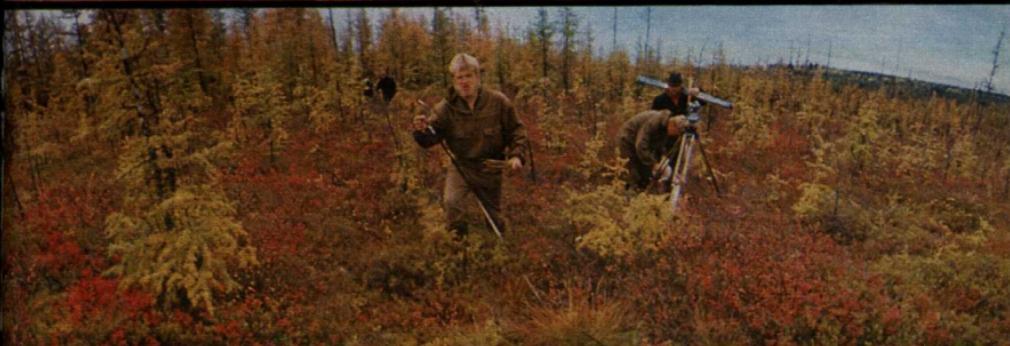

смена

№ 23 ДЕКАБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНЫ“
БАМ

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ» БАМ

И вновь мы собираемся в дорогу...
Построены Магнитка и Турксиб,
работают турбины ДнепроГЭСа,
молодеет Комсомольск-на-Амуре,
и набирается сил

Нижневартовск на Оби...

Все эти имена —
символы героических дел
различных поколений
советской молодежи,
этапы комсомольской работы,
славные вехи
нашего строительства,
нашего пути вперед.

Сегодня перед комсомолом стоит
новая задача — БАМ,
Байкало-Амурская магистраль.
Принять участие в сооружении
дороги, которая свяжет
Сибирь с Тихим океаном,
которая заставит работать
на социализм недоступные прежде
богатства наших недр,
которая разбудит тайгу, —
дело чести каждого
советского человека,
почетный долг комсомольца.

Предстоит грандиозная работа,
и выполнить ее нужно
в намеченные партией сроки.
Предстоят годы напряженного
самоотверженного труда.

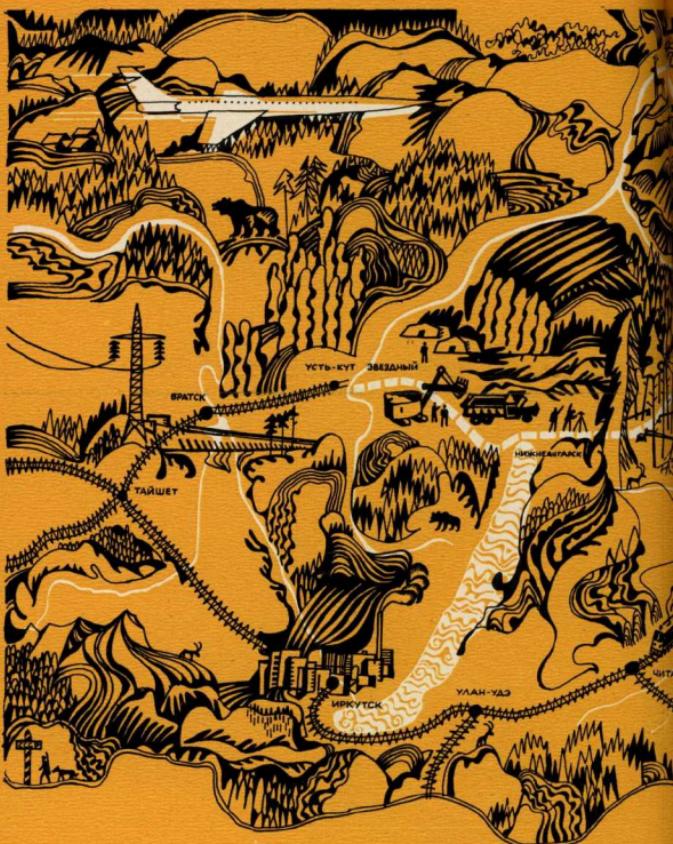
Все эти годы журнал «Смена»
будет вместе со строителями
Байкало-Амурской магистрали —
в тайге,

где прокладывается трасса,
в горах, где строятся тунNELи,
у рек, где возводятся мосты...

Этот номер журнала мы целиком
посвящаем изыскателям
и строителям

Байкало-Амурской магистрали,
всем, кто сегодня
работает на БАМе,

всем, кто сегодня работает на БАМе.

ДЕЛО КОМСОМОЛЬСКОЙ ЧЕСТИ

Номер подготовила

выездная бригада «Смены» в составе:
Анатолий БАРАНОВ, Юрий КАЛЕЦКИЙ,
Альберт ЛЕХМУС, Сергей СМОРОДИН,
Лина ТАРХОВА.

Все фотографии номера
выполнены Альбертом ЛЕХМУСОМ.

Редакция благодарит партийных,
советских, комсомольских работников,
строителей, изыскателей,
автолетчиков, шоферов, речников,
железнодорожников — всех,
кто помогал нашим товарищам
в выполнении
редакционного задания.

Дмитрий ФИЛИППОВ,
секретарь ЦК ВЛКСМ

Нынешний этап жизни и деятельности Ленинградского комсомола отмечен прежде всего его активным участием в сооружении радиоэлектронного, наивысшего в истории объекта — Байкало-Амурской железодорожной магистрали. «Строительство БАМа — это то, что пронизывает сибирский масштаб с его неисчерпаемыми природными богатствами», — говорил И. Е. Бреинев, открывая путь к созданию нового крупного прошлышенного района: «адо, нее вырастут поселки и города, промышленные предприятия и рудники, разумеется, будущий сельский и промышленный сорокагодийский план к новым землям...»

Разве это не вдохновляющая перспектива для многих тысяч наших молодых людей! Молодые страны, все комсомольцы восприняли идеи Генерального секретаря ЦК КПСС как звук прогресса большого дозора, убежденности Коммунистической партии в том, что юноши и девушки нашей Родины по плечу самые трудные, самые ответственные поручения. XVII съезд ВЛКСМ записал в своей резолюции:

«Сооружение этой дороги — дело чести и великого патриотизма. Следует отдать дань поколению предшествующих славных традиций первостроителей ДнепроГЭСа и Магнитки, покорителей Ангары и Енисея. Съезд заверяет Коммунистическую партию в том, что комсомольцы, юноши и девушки приложат все силы для выполнения этого почетного поручения».

Комсомольцы не ющут легких путей в никаких. Они всегда на переднем крае борьбы — там, куда зовет их за собой партия, где нужнее всего их энергия, знания, молодые силы. И сегодня в Байкало-Амурской магистрали, объявлений XVII съезда ВЛКСМ важнейшей Всесоюзной стройки, комсомольцы становятся мостотрядниками, по-турецки трутся узка несколько тысяч комсомольцев. А по всей стране в комитеты комсомола продолжают идти потоки заявленных с просьбой послать на самые сложные участки строительства магистрали. Уже сегодня ее по праву называют «стальной венком».

Строители БАМа можно с полным правом назвать наследниками и продолжателями геройских трудовых традиций советского народа. Нынешнему поколению молодых строителей коммунизма досталась дорогое

наследство — немерещиеся революционные идеалы отцов, на рабочих занятиях и богатейший трудовой опыт. И в этом — истоки силы юных патротов.

БАМ. Сегодня это звонков и энергичное слово произносится и энергично гигантской стройкой, протянувшейся от Тихого океана до берегов Байкала. Дорога пересечет Иркутскую, Читинскую, Бурятскую АССР, Хабаровский край. Ни одна страна в мире не строила еще в условиях вечной мерзлоты железной дороги такой протяженности. Уже сегодня ее по праву называют «стальной венком».

БАМ должна будет полностью открыть народному хозяйству страны огромные богатства Восточной Сибири и Дальнего Востока. Не случайно трасса проложена в непосредственной близости от мест, где геологами от-

мечены залежи полезных ископаемых. Перед строителями стоит задача, из них уже дает представление о значении БАМа: 650 километров трассы пройдут по территории, богатой природными ископаемыми. Рядом со строящимся Северо-Муйским туннелем находится месторождение урана, Дальнокамское месторождение на многие годы сможет обеспечить потребность в обогащенном уране. Трасса БАМа: Тында — Беркакит служит проходом к обширным угольным месторождениям. Трасса БАМа: Тында — Беркакит служит проходом к обширным угольным месторождениям. Трасса БАМа: Тында — Беркакит служит проходом к обширным угольным месторождениям.

Прямо из Кремлевского Дворца съездов на БАМ отправился первый вспомогательный отряд, состоящий из строительного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Многое уже сделано: позывилась первая улица в поселке Магистральный, который строится

Рисунок Михаила ПАПКОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 23 (114)
ДЕКАБРЬ
1974

НАША ОБЛОЖКА:
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
ГРИНДИХ
ТРАССА В ТАЙГЕ;
ТЫЛДА СТРОИТСЯ;
МОСТ ЧЕРЕЗ АМУР.

ПОГЛАДИМ НА ДОРОГУ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

НАУКА: ФИЗИКА. ТРИ РАЗГОВОРА И ЯМР

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
СЕМЬ ХОЛМОВ НАД РЕКОЙ

ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР СССР
КОНСТАНТИН БЕСКОВ: Я ВЕРИЮ В ФУТБОЛ

ХЛЕБ САРАНПАУЛЯ.
ЗАГАДКА ТАЕЖНОЙ ПРИСТАНИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лунич [заместитель главного редактора], В. Г. Понедельников, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбников, Г. В. Семенев, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будина

© Издательство «Правда», «Смена» 1974 г.

С на 167-м километре трассы БАМа. Десять домов, образующих улицу, столовая, три общежития — все это создано бригадой Михаила Филатова, в которой трудятся 18 юношей и девушки разных национальностей. Ребята настолько втянулись в работу, что считают неудачным день, если норма не выполнена на 130 процентов. Сами же самодельными трудом они говорят, что им не страшны суровые климатические условия и временные лишения.

О отличных результатах в работе на западном участке трассы добилась бригада лесорубов из строительно-монтажного поезда № 266, которую возглавляет депутат XVII съезда ВЛКСМ Леонид Григорьевич Бакиров. Строительство трудового коллектива показывает бригады делегата XVII съезда комсомола Героя Социалистического Труда Виктора Лакомова, Зураба Калячева, Виктора Уварова, Валентина Цегелашвили и многих других.

Шаг за шагом ведут наступление комсомольцы на нежданную сибирскую тайгу. Уже возводятся первые мосты над железнодорожными путями. Но это только начало. Впереди наполнивший край работы. Кроме самой трассы, надо еще возвести сотни сопутствующих сооружений — дома для строителей, заводы, мастерские, объекты торговли, соцкультбыта, станции будущей дороги.

Тем, кто идет впереди, кто принес в сибирь чистоту и порядок, стройность и честь сплющенной ликвидации будней, никогда не бывает легко. Первопроходцы БАМа знают, что такое балотные топи, глыбы, что такое лютая стужа и пронизывающие змеиные ветры. Но спросите у любого, кто прошел в эти края по путевке комсомола, счастлив ли он. И каждый отвечает да, конечно. Потому что впереди, как младой человек, идет девушка, появившаяся на трассе, для них начался новый отсчет времени. БАМ стал для них первым свиданием с настоящей жизнью, жизнью, в которой открывается прекрасные возможности выразить и утвердить на деле свое «я».

Сейчас назначается подвод в мирный временный парк, с того личного участия в деле, которое служит интересам государства, народа. С осознания величия планов, которые партия решает претворить в жизнь. В этом смысле можно без преувеличения сказать, что массовые трудоводы на строительстве БАМа — это амурские гигиены, уже начавшиеся, поскольку дуговое возобуждение молодого человека, замалкивается его характер, раскрываются высокие моральные качества.

Среди пионеров БАМа, конечно же, очень много романтиков. Не те, кто увлекается романтикой туризма и запаха тайги. Нет, магистраль строят молодые, по душам которым романтика труда — инциденты. Романтика труда — нужны инциденты. Романтика — это нечто большее, в результате которых на земле остаются города, заводы, фабрики, железнодорожные магистрали.

Великая стройка, еще только начавшаяся, уже стала замечательной школой воспитания коммунистического отношения к труду. И не только для комсомольцев самого БАМа. Заслуживает поддержки обращение ко всем молодым труженикам страны, в которых выступают комсомольские организации Минского и Красногорского автомобильных, Челябинского тракторного заводов, завода дорожных машин имени Колющко, Южно-Уральской железной дороги, проектных институтов «Мостотранс» и «Ленгипротранс», Московской швейной фабрики, смешанных предприятий, в том числе и зарубежных фирм «Вятские поганки». Они станут инцидентами работы под девизом «Заказы для БАМа — досрочно, с высоким качеством и повышенной на-

дежностью». Вслед за обращением в комсомольских организациях многих промышленных и транспортных предприятий, проектных и научно-исследовательских институтов, осуществляющих изготовление и поставку машин, механизма, оборудования, материалов и конструкций, разработку технических проектов, развернулся досрочный и качественное выполнение заказов для Байкало-Амурской магистрали. С каждым днем комсомольских организаций, берущих шефство над магистралью, становится все больше — участие в сооружении транссибирского стального пути стало делом чести всего Ленинского комсомола. И потому ЦК ВЛКСМ утвердило в соответствии с постановлением ЦК КПСС о дальнейшем выполнении плана закладки для БАМа. Недо теперь добиваться, чтобы это шествие отличалось высокой драматичностью, способствовало ускорению темпов строительства магистрали.

Перед комитетами комсомола стоят, перед комсомольскими организациями предпринимателей-поставщиков ежедневно возникает множество производственных и организационных вопросов. Их решают комитеты, комитеты рабочих, выдвигают выполнение государственных планов и заданий по сооружению трассы. Особый вопрос — кадры. Сегодня стройке нужны не просто рабочие, а грамотные, высококвалифицированные специалисты. Комитеты комсомола научно-исследовательских институтов и вузов, необходимо использовать для подготовки кадров, привлекать к работе на БАМе ученых, молодых специалистов, пущенных представителей студенческой молодежи. В этом деле есть уже хорошие примеры. Так, с цепной инициативой, одобрением обкома ВЛКСМ, выступил коллектив студентов и преподавателей Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. Команды волонтеры взяли на себя организацию курсов повышения квалификации инженерно-технических работников БАМа, проведение технической консультации ведущими учеными непосредственно на строительстве. Для рабочих магистрали будут организованы пункты подготовки к поступлению в вуз, проводится обучение в вечерних отделениях. Комитет ВЛКСМ института планирует регулярно направлять на строительство аттестации, студенческие армии. Уже сегодня на магистрали трудают более 700 молодых специалистов, окончивших институт в 1974 году.

Нельзя забывать и о духовных потребностях молодых армий строителей. Комсомольские ячейки и дружинные организации внесли свою лепту для организации интересного, культурного отпуска байкаловцев. Пуск все лучше, чем богато наше искусство, наше культивация, будь доступно людям, работающим на великой стройке.

В конце сентября БАМ выехал крупный отряд добровольцев-строителей, в который вошли 1500 добровольцев из различных рабочих групп Москвы. Вслед за ним на строительство трассы отправятся отряды, сформированные во всех союзных республиках, областях и краях нашей страны. Ударной, по-настоящему комсомольской работой они всегда впишут свою имена в историю гигантской стройки.

Байкало-Амурская магистраль будет разбита. Впереди у нее захватывающие перспективы. И, какие бы преграды ни встретились на пути строителей, нет сомнения в том, что они будут преодолены. Потому что строит БАМ вся страна, потому что строит БАМ другая, боевая общность комсомольской молодежи, включающая связи самоотверженных трудом новую замечательную страницу в летопись героических дел Ленинского комсомола.

27 апреля с Ярославского вокзала Москвы на восток ушел специальный эшелон (см. «Смену» № 14, 1977 г.). В эшелоне к берегам Лены и Амурской обороны Волхонский строительный комсомольский отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Ребята из Москвы и Ленинграда, из всех союзных республик ехали строить Байкало-Амурскую магистраль. Триста бойцов — половина отряда — высаживались весной в тайге на западном участке БАМа, в несколько десятках километров от Усть-Кута. Другая часть отряда приехала на центральный участок строящейся магистрали — в поселок Тындийский.

Прошло несколько месяцев, и мы рассказываем вам, как живут и работают комсомольцы поселка Звездный, строящие дорогу на западе, в приленской тайге.

Славянский шкаф

Первое, что я вижу, вынырнувшись из вертолета на берега реки — это деревня Славянка — деревни партии, живущие как солнечный день. Партия промозглится рядом с вертолетной площадкой и за одной из них сидят бородатый парень и перекрывает портняжку. Если бы не эти неожиданные партии да роняющие последние листья бересклеты, чувство такое, будто я не уехал из Звездного: как весной, в пелене сплошющего тумана таяла тайга; под паутиной висящего моста неслась коричневая Таирка, а по ее берегу белая бестолковая щенок с розовыми ботами вместо ошейников и лапы на воде. Такой же щенок, только меньший и без санок, провожал лаем машины последние албаны.

— Нет, ты глади! — кричит бортмеханик, с которым я летал в Звездный еще весной. — Нет, ты видишь, я видишь?

Он машет отверткой, как клиновик, в сторону сплющенного к Таирке тумана.

— Сейчас «окно» закроется, где грузчики? Спешите нам разгрузить? Не успеем.

Бородатый парень, которого я вижу, вроде как самому себе, но говорит троеку, потому что альпинисты над нашими головами без передышки стригут воздух. Худенькая женщина, больше похожая на девочку, стоит рядом. Она приглашает с нами, упросив взять еще один багаж, и сейчас все ищет кого-то газаны, прикрывая альпинисткам живот.

— Я же Коле телеграмму дала, — говорит женщина и вежливо просит смотреть на нас. — Из Житомира. Потом из Барнаула. А вчера из Усть-Кута. Не мог Кола не получить...

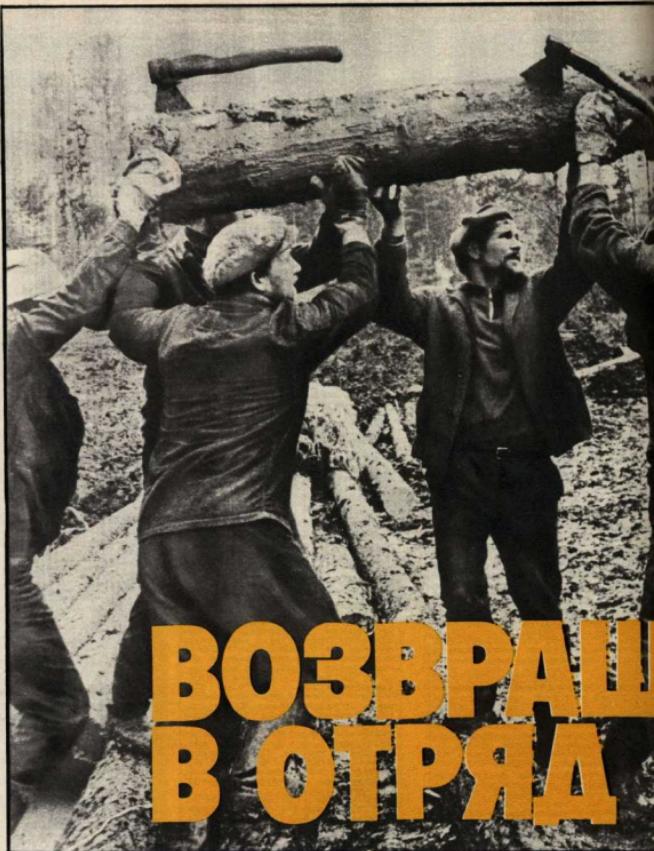
— Китацанги есть? — Быстро спрашивает бортмеханик, и его глаза смеются. — На чью фамилии давали? Может, Волконскому случаем?

— Какому Волконскому? — обижается женщина. — Я мужа фамилию взяла. Савельева я по паспорту.

— Ну, раз Савельева...

Бортмеханик кричит парню с бородой: «Давай сюда, отнеси к Савельеву к мужу в Сибирь привез». Погодка насторожила.

Бородат затормозил, сунул ногу в сапог, и через мгновение мы тащим из чрева вертолета кирпично-красную аван-кровать, играющую никаким спиральную машину, корыто, в котором лежат книги по электротехнике, цветущий роман в кадочке, репродукцию с картиной «Последний день Помпеи» и какие-то мешки, мешочки, свертки, картонные коробки, ящики фарфоровые и ящики деревянные, чайники, узлы, баулы, корзины и могущие стеклянные банки, полные вареных. Худенькая женщина руководит нами решительно и похожа уже не на девочку, а скопи-

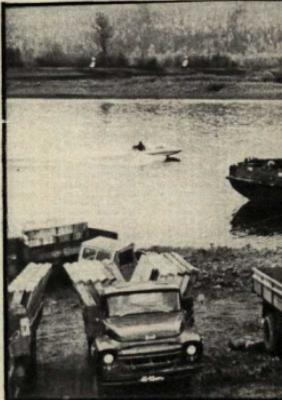

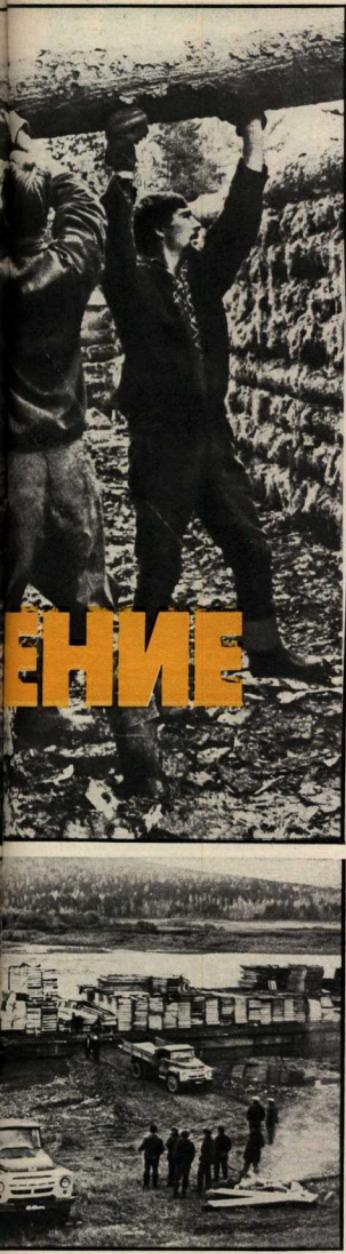
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТРЯД

РУБИТСЯ СИБИРСКАЯ ИЗБА. В САМЫЕ КРЕПКИЕ МОРОЗЫ БУДЕТ В НЕЙ ТЕПЛО.

НА УРОКЕ В ВЕЧЕРНÉЙ ШКОЛЕ.

ОТ БЕРЕГА ЛЕНЫ НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ АВТОМОБИЛЬНАЯ ДОРОГА ДО ЗВЕЗДНОГО.

рее напоминает опытного военачальника, крепко держащего в руках исход сражения. И когда мы неизменно тащим шкафы, известный всей стране и миру, за ее пределами под именем «славянского», и вновь дверцу, достается бортмахинисту, и бородатому, и мяснику.

— А вон вроде и бедный Коля... — толкает меня в плечо бортмахинист, и глаза его загораются бессовским огнем.

Я вижу, как по скользкому глинистому косогору летят пареньки размыкавшие руками.

— Кам, где же ты ходишь? — кричит молодая женщина.

— Да я с утра... Все жда... Ждя... Вот только пошел... — бормочет Коля, забыв повесить антильные пластины.

— Ну, братцы, поитеся я... говорит бортмахинист. — Пометь, поитеся, поитеся...

И, понижен голос, добавляет: «Послека еще ни одна прыничная картечка не причине младенцев, а шкафы вертолетами везут. Во жизни поездов».

Он нарывает в машину, хлопает дверцей, успевает нырнуть на прощание руки, и МИ-8 тропится к ближайшей сопке. А мы с пастбищником Василем Петрусовым, которого, оказывается, я тоже знал с весны, да только не признал сразу из-за сородича, садимся на бревенчики отдашьтесь с собой, взмокли, и мы сидим, сушася, как «счастливые Коли» в рассказе Свешникова. О том, что засалены только что четырьмя лапками, скоро будут готов пятый. Но комитет им обещали не в пятом, а в шестом — двухэтажном. Что построили столовую, магазины, пекарню, котельные, открыты почту, аптеку, даже книжек «Союзпечати» работает, расширили клуб «Гараж» и в нем идут самые новые фильмы на самом широком экране Сибирской. Коля, что снабжение хорошее: в магазинах хлеба, колбасы и апельсины и мясо, и разные консервы, все вовсе. Даже салаты на платформе, в которых многие девчата на танцы ходят. Тут Коля несколько смешалася под пронизывающим взглядом жены и добавила, что он-то на танцы не ходит: записана в десятой класс и сидит вечерами в школе. Не до танцев...

— Я тоже в школу записалась, — сказала Гава. — Только в девятый. За десятый газала еще плохо думает...

Сибирь забывает.

— Школа у нас тут была главный объект, только и разговоров: просека до школы. Я лично не сколько раз и ночевал в этой школе: полы висели. Ну, сделали все. Даже полы подсохли. Значит, какую-то Аурскую бригаду первоквакшину на руки подняли и выслали через порт передали. А девочка звонит в колокольчик. Колокольчик, между прочим, вадацкий. Где его только в тайге раскопали?

Я слушаю Васю, погадавшую на карты, сидящие перед нами, и вскипомлю горючий из берегу Амура и седоту уже человека Михаила Николаевича Соловьева, строившего Комсомольск. Школа для тех ребят, высадившихся в тайге, тоже была главным объектом. Как и судоверфь. И спустя какую-нибудь неделю парни, которые сажали деревья в замороженном сибирском сне, а ребята в лаптиках, среди которых каждая второй была малограмматик, а каждый пятый и вовсе грамотами не разумел. И представь на мгновение, что если бы тогда кто-нибудь сказал, что придется время и в тайге на вертолете привлечь розан в кадочке и шкафы! — я не знаю даже, что это значит для комсомольчаков такому «запутанию». «О вертолетах тогда еще и речи не было, а самолеты... — вспоминал Михаил Николаевич, — встречались в Сибири и на Дальнем Востоке селами».

Тогда, сорок с лишним лет назад, в те первые бесстрашные и яростные пятилетки, когда судьбы страны, судьбу народу решала зачастую мускульная сила людей, первостроители верили: что можно и нужно будет выполнить стройки на совсем другом уровне. Об этом говорил Михаил Соловьев и его товарищи, когда в тридцать шестом читали в заметках Ивана Бардина — галантного инженера Кузнечистров: «Бани и пекарни, магазины, столовые — это дадено не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей...»

Первое звено. Главное звено.

И сегодня в Звездном, на шестидесят пятом юбилее БАМа, было первое дело, главное дело. Гигантская стрела выметает с дорог и связи, школы и бани, магазины и пекарни. В таежном поселке, которому от роду недавно месяца, можно почистить одежду в химчистке, заказать костюм в ателье и сфотографироваться в новом костюме для любимой. Так и должно быть. И мы не удивляемся, когда вертолет,

правда, в виде исключения привозит славянский шкаф, чтобы электрику Коле Савельеву и его жене удобнее, лучше и в конечном счете счастливее жилось в Звездном.

У Колпашиного ручья

И опять я на новом месте. В тайге, в бригаде Ивана Арекава, километров в двадцати от Звездного, если считать по прямой. Но кто в тайге ходит по прямой? Здесь почти у каждого участка приступают к работе винтовые и гусеничные тропы, «гатьи». Новенький гусеничный транспортер, спотыкаясь у пней и балузов, вырыв в ручьи и речки, прошел эти двадцать с чешью километров за три часа с четвертью. И еще быстрее прошел несколько дней уже соет дождь.

Приехали Аладо... — встретил меня Иван Арекава, сидя за столом, разумеется, что не сколько тысяч километров, и сидел, сидел, чтобы поплыло именно сюда, к одногодке у Колпашиного ручья. И с ходу разгорел заходит о транспорте.

В пути мы встретили брошенный транспортер. «Полусы постель... — облизнулся водитель. И трехсот километров не набегал. Мой, между прочим, первый в жизни водитель. Забегая вперед, скажу, что водитель как в воду глядел: через день встал и его машину. Полоскание из действовавших на трассе. Несколько дней, работавшие на просеке, были отрезаны практически от Звездного. Вертолеты не летали из-за плохой погоды. Самое необходимое можно было доставить только в рожках.

Вымощенную макаронную, смальчу и глиняную, пропитанную маслом, тропинку в тайге называли машиной ЖАМ. Гусеничный транспортер, нечто показавшее себя в Западной Сибири, здесь непривычен. Вспоминается сообщение об испытаниях на Ямале самодельного вибратора, возможного преобразования вибрации в коротко, приложенное к грунту и склека подпривычно. Авария произошла на трассе, свободно проходила через болота, пни, заросли и камни. Может, именно эта необычная машина и должна привести на БАМ! Притяг, чтобы помочь строителям преодолеть сотни и сотни километров тайги!

Об этом мы говорим с ребятами, которые встретили меня. Бригада языко еще с весны. Был в ней, когда боялись только выспы на просеке. На чистом воздухе, когда вспоминали, что время обустройства в поселке соскучилось, и вспоминали деду. И азарт этот не прошел. Из двадцати с лишним бригад, разбросанных на десятках километров просеки, бригада Арекава одна из лучших, одна из надежных. Это очевидно и очень важный фактор в тайге: надежность. В соседней бригаде случился таксон, боен сбежал. Построена плот и самосплавленный плот. Творят в Ленинске. Он остановился на пути в тяжелый мороз, и рабочие начали переносными трудностями. Наконец, собрали и вытащили в лесных местах, слушали его из пристойкой вежливости. Они корпоративные парни, никто блокирует закон тайги, а у тех у них думали, гадали, как отчаливать белеги... известно только им. «Платформа добралася до Лени и несколько дней «выстрадала» в сибирском буфете, выжила на слушательской сидячей, сидячей, сидячей, нечто покрепче. Шли дни. Творческие эпитеты, присущие рабочим (как бы это не з suзилось с выражением на речке) и узнав, что он жив и здоров, продолжали рубить трассу. А баегач все сложился по районному правилу не решаясь уехать совсем. Потом он написал повиновенное письмо и попросил, чтобы взяли его обратно, чтобы обрадовать и решить, что не отвечать.

На почте Красноярска рассказывают, что на почту посыпалось две ягоды из тайги. Одну раз в день в окопинку «подобравшуюся» было отбито на первое письмо, ни на телеграммы «Платформы» отбыла в конце концов в свой прекрасный южный город. А ребята без него и без тех несокольских, что сбежали не столь романтично, сделали свое дело — прорубили просеку. «Проблема в том, что простор человеческую усталость и монотону, в которой можно оторваться от Звездного, там, где в то время стояли палатки, но где было кино, были танцы, были футбольные матчи и концерты приезжих артистов и своих самодельных. В эти первые, самые тяжелые месяцы они выдержали — воронежи и ленинградцы, тобольцы и алматинцы, рижане и ташкентцы... И вот она, трасса, словно бы берегом Енисея, прорубленная прорубленными руками и руками таких головастых. И когда идешь по ней, повторяя ее изгиб, пересезая через завалы, хлопая в болотах, оскальзаясь на крутых боках сопок, — понимаешь, как

МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Кругозор современника

«— Значит, и польза от дороги есть?»

Ну, так как же! Давно ли работает, а гляди, все села окопо нее городами становятся».

Этот фрагмент из «Дороги к земле» для простых из «Суточной промышленной жизни Гарина-Михайловского невольно вспомнился в «Быдлом драме». Твердосердечный Тимофей да сидит кругом пушинки из золотом нольевые осенних снопов. Прочь от брата-матери, издали, искалеченные мрачноватой ревностью, вымощают охрупкими глухими тягами на вечной мерзлоте...

Соглашалось везут грузы для безвестного прежде поселка. Со всех концов страны приобретаются сюда люди, которых не устраивает ни одна профессия, кроме как нумизмат. Их нужно много, потому что самое нужное всего именно здесь. Звучит разномысльная речь, ревут машины. Местные прибрежники называют их «железными мрачноватыми наездниками», вымощают охрупкими глухими тягами на вечной мерзлоте...

Тыков работает человеком, который имеет к этому столовертение. Но если прямо отнести, то это не тот, кто не хочет работать, а кто не может. Такой человек, как правило, принадлежит к категории «богатых бедняков». Он москвич, хотя живет в Тимофеевке, и не знает, что это за место. Примеся месциками, а то и годами живет в Берегах Тимофеевки, в пустынных Морозовских борах, в сосновых густых лесах Сибири, на Байкальском Урале.

Сейчас Александр Алексеевич Побокий возглавляет экспедицию Мосгипротранса, ведущую изыскания для БАМа на восток от Тимофеевки.

— Ах, Александр Алексеевич, говорят, вы сейчас должны были бы находиться не в Тимофеевке, а на другом конце земного шара?

— Верно, я собирался поехать на изыскания в одну из дружественных нам стран. Дело предстояло интересное — реконструкция железнодорожной линии Тысяча километров. Это уж было мне предложено прошлой осенью, я согласился, но поездка все откладывалась. А когда наступила март, меня, старого таежника, так потянуло в лес... В воздухе весной пахнет, товарищи звонят: «Что, поплыли в тайгу?..» Ничего не скажу с собой поделать. Кто полюбил тайгу — это уж на всю жизнь.

— А профессию изыскателя?

— А это еще сырьевое. Я национализировался. Работа нравилась, но угнетала одиночество. Вроде я индивидуал. Как-то в селе, в одной избе встретился с изыскателями. Мне сразу поновились эти люди. Чувств-

зовалось, их связывает настоящее братство. Я им страшно позавидовал. В тот день решилась моя судьба.

— Выходит, интуитивно выбрали профессию. Но теперь, когда сорок лет работы позади, снаните, за что ее любите?

— Изыскателей часто называют романтиками. Это слово, как мед, применим к нашей профессии莫名其妙. Быть романтиком — значит быть романтиком, и правда, написать Я, как многие мои товарищи, переваливал через кребты в местах, где не ступала нога человека. Был свидетелем неповторимого зрелища — ходячие на нерест, когда вода кипела от рыбьи. Летал на самолетах, вертолетах; ездил на лошадях, оленях, верблюдами, пешком на сапогах, телогрейками в добывающих в Берестовских лесах; ночевал в шалашах, палатках, юртах, зорянках, спал на голой земле. Ходил на саюхах, на медведя. Сколько таймней и хариссов передвоялов — не счести! Чем не романтик! Романтик. Но если это твоя ежедневная жизнь, то это не романтика, это то, что называется риском, подвигом. На медведя (было это давно в годы войны) я ходил потому, что мне и товарищам нечего было есть. На улья-магде (так орочи называют свою деревню) мы, помнится, спускались по такой свирепой речке, что чудом осталась жива. Изыскатели прежде всего рабочие. Они должны уметь работать, уметь уединяться, уметь жить в любом уголке, разместив костер в ливень, не обнорозить руки в лютый мороз. И не поддаваться унынию, чтобы не случилось. Работа неша бывает опасной. Не одного товарища похоронили мы в тайге; именами отважных изыскателей названы станции и поселки. Но если бы изыскательское профession не состоялось бы из нашей профессии. Суть ее в том, что согревает нас в холод, дает силы в трудном переходе, делает изыскателей ментально сознание, что за наим потянет неситя ниточки жизни,дорога. И уже ни одному человеку не будет здесь так трудно и одиноко, как тем, кто пришел сюда первым.

Есть еще одна сторона изыскательского дела, очень важная для меня, — это работа творческая.

— Можно об этом подробнее?

— Изыскатели должны выбрать однажды из миллиона возможных.

(И опять Гарин-Михайловский: «Лично я надеялся на то, что изобретательскою надо уметь мыслить по разным приметам, требующим знания, опыта, особого дарования».)

Помимо ее, единственной, и есть творческая работа, которая требует, чтобы проектировщик участок трассы в долине Гимлюя. Исколесенные данные были таковы: рядом с рекой затопляемый участок, поросший редким лесом. Дальше — полоса белесной мари (марья — болото на земной мерзлоте), перекодящая в небольшую возвышенность. Склонов ее тоже местами покрыты марью, а поверху растет лес. Задача — заложить в том, чтобы проложить трассу наимыгоднейшим и надежнейшим образом.

(Видите, не случайно они не известны, как изыскатели — люди, которые должны измеряться, исхитряться, но найти.)

Решая задачи привычным, стандартным путем, любой изыскатель скажет: я пущу трассу поверху и тем самым эсстряюсь, тут уж мене никакая вода не помеха.

Но, конечно, надежнейший вариант — всегда ли он наилучший? Как отсыпать машину полюти на науках? Как возить материалы? Ближайшие карьеры грязи — в двух-трех километрах. Если помножить эту цифру на количество рейсов, да потом на стоимость каждого рейса... Я рискнул предложить повесить трассу рядом с Гимлюем на такую же высоту, какому-нибудь участку, который не очень существенно — по прос лесом. «Против» здесь был скверный характер Гимлюя (но залежи не страшны, если сделать насыпь высотой 3—3,5 метра), изза — близость карьеров и прочность грунта, скрепленного ледником.

Решение показалось настолько необычным, что я этот участок зачалистиком комиссии. Но сколько ни им прокеяжало, все признали в конце концов, что решение приятно архею. Видите, какова наша работа: она иногда требует не верить здравому смыслу, очевидности, а верить какому-то внутреннему чувству, которое, конечно, должно быть подкреплено точным расчетом.

С начальником комплексной экспедиции Московского государственного института по проектированию железнодорожных дорог Александром Алексеевичем Побокиным беседует специальный корреспондент «Смены» Лина Тархова

В 1943 году Александра Алексеевича и его товарищ привезли из Острова Святого Николая на Камчатку — в Амуро-траск. Комиссия из-на-Амуре — Советская Гавань. Они только что закончили строительство и свою задачу успешно выполнили сыгравшая важнейшую роль в разгроме армии Палласа. (Кстати, работы для этого десанта были самыми построившими участниками дороги Бары-Тын-да.)

Им, молодым и крепким, память было счастливо ходить в Тын. Многое они понимали они спасаемостью решений строителей из-на-Амуре. А тогда утихали темы, что заставили стоять перед ними невероятно трусливые задачи. Им приходилось жечь трассу длинной в 500 километров. Дорога должна быть максимально дешевой. Им приходилось решать, что же делать, если трасса будет гореть, но дорога пройдет по долине реки Хунгары, хотя это казалось почти невозможным. Им приходилось решать, как избежать опасных для автомобилей приложений, которые прорываются в супер башни. Дорогу делали в большом срочке, чтобы избежать опасности, что из-за одного берега на другой, а для этого нужно строить дорогостоящие мосты, которые не соответствуют приложениям и строить мосты...

После чудесных работ генерал-Бондаренко, который считал, что Тын — первое влагад несоборное — в самых трудных местах дорогу вести не по крутым склонам рек, а прямой по лесистым склонам, и эта идея нашла на глибе подобных тем, что устроил Томск Хунгары. Крупные глыбы камней, как будто для железнодорожного полотна...

— Александр Алексеевич, как вы даете сейчас паспорт на приемку Хунгары?

Он счастливо улыбается:

— Недавно приезжали оттуда товарищи, говорят, правильно сделали.

Это решение стало классикой изыскательского дела. Оно наядено изыскателем, который был молод. Тогда он не знал, что такое строительство мыслей, Но прошло тридцать с лишним лет, а этот человек остался на изаде, и он делает удивительными решениями. И дело не столько в счастливом сохранении молодости, сколько в несомненном таланте изыскателя.

Что это за особое понятие — талант изыскателя?

— Я знал многих людей, сильных, мужественных, готовых к любым лишеням, которых эти изыскатели не получились. Они могли знать каждую деталь рельефа, обладать все марпути на вертолете, быть уверены, что воротятся, скажут, ногами, обязательно вернутся. Но приходит час, когда нужно как бы оторваться от земли и увидеть тысячу километров трассы сверху единой линией. Наступает момент, когда должны заработать интуиция и фантазия. Если фантазия не вспыхивает, изыскатель нет, есть добросовестный исследователь местности.

— Фантазия, интуиция — это опять из области творчества. Но есть ведь в работе изыскателя и скучная, мало-примечательная сторона?

— Сколько угодно. Для меня, например, они начинаются с составления смет. У нас экспедиции комплексные. В них входят собственно изыскания, геодезия, гидрография, геоцирклисты по градостроительным сооружениям, мостовики, экономисты и т. д. (всего около двадцати профессий). Мы должны запрограммировать каждую станцию, разезд, депо, жилые помещения. На каждый из объектов, на каждый перегон готовится отдельная смета. Для этого мы должны знать, сколько кирпичей и ее работникам очистки многое. Например, сколько народу потребуется для обелиживания каждого участка, будут ли у них дети и по сколько (то есть какой «коэффициент семейности» следует заложить в сметы), и в связи с этим предусмотреть кирпичи, бани, пионерские лагеря, детские сады на отведенных участках коридора места. Для этого надо знать, что там находится в стоянке дороги, покажется ли на таком-то участке принципиальная и сколько километров сухого бояла она должна быть рассчитана. Я лично экономическую, бухгал-

терскую часть работы люблю меньше всего. А есть у нас такой Иосиф Григорьевич Ромашенко — ему бы только что-нибудь посчитать. Прежде он работал главбухом Мосгипротранса. Сейчас ушел на пенсию. Часто слышу его в телефоне в эфире радио. И вот все свободные вечера — иногда и ночи направляет — помогает нам нашим бухгалтерам. Даже интересно, что он в этой работе находил? Да нет, видно, нужно призвание.

— Несмотря на то, что у «полигонов» национальной дороги стоит множество опытных специалистов, случаются, например, ошибки из-за изыскателей. Или возможны скрытые «воды» и удачно найденный и «бездарные» трассы (однажды изыскатели, не сознавшие соревновательного и профессионального вдохновения или отсутствия такого). Расскажите, почему на «воды» и ошибки изыскателей, наяву, не укладывались кусочек трассы, мыши мешали прийти?

— Принятое решение спрямить русло, укоротить Гилой на километр. Раньше мы думали о таком боле.

Но мы мечтали до войны. Ее средняя проектируемая скорость 100-120 километров, а в то время предполагалось шестьдесят. Новая трасса должна быть прочнее и прямее прежней. И с этим изыскатели разбрелись. Хлопот больше, но и возможности теперь другие. Мы смелие стали. Недавно, опять-таки на Гилой, никак не укладывалась кусочек трассы, мыши мешали прийти. Причиной решения спрямить русло, укоротить Гилой на километр. Раньше мы думали о таком боле.

— В Тынде все знают, как решиво вы следите за укладкой пути на участке Тында — Томск. Удовлетворяет вас качество строительных работ?

— Укладкой руководят по большей части специалисты-специалисты, и, казалось бы, можно сказать «заслуженные». Но меня очень впечатлил взаимоотношения строителей с венчайшей мэрлатой. Сегодня каждый школьник знает, что БАМ — уникальная структура. Нигде в мире человек не дерзнул еще проложить трассу такой протяженности в районах вечной мерзлоты, и мы говорим об этом без устали. Но ура вам начать учить и учиться! Учиться не только в вузах, но и в практике, в правилах строительства на изыскательстве.

Сегодня каждый школьник знает, что БАМ — уникальная структура. Нигде в мире человек не дерзнул еще проложить трассу такой протяженности в районах вечной мерзлоты, и мы говорим об этом без устали. Но ура вам начать учить и учиться! Учиться не только в вузах, но и в практике, в правилах строительства на изыскательстве.

Сейчас я видел, как изыскатель Мерзлата коварна. Сверху она прикрыла небольшим сплоем мастики, который сохраняет на поверхности земли мерзлоты сплошь более или менее постоянной температуры. Стоит сорвать мох (пустынку, к примеру, бульвар), и мерзлата находитесь в нем. Применив эти методы заложенного давнего времени, через пять, через семь лет насыпь может вдруг начать оседать, рельсы уходить под землю, безошибочно указывая место, где работали неграмотные или недобровольные люди.

На выстроенным участке уже есть промежуточный ремонт — постыочный ремонт — в таких местах, где изыскатели на порошке прошли новой трассы. Чтобы избежать беды, необходимо — и немедленно! — создавать специальные курсы для строителей. Тем более необходимо, что большинство из них люди молодые, и потому как бы поневоле неопытные.

— БАМ-74 строят молодые. Наверное, и на изысканиях трассы занята молодежь?

— За последние годы выросло целое поколение молодых изыскателей. В экспедициях Мосгипротранса работают Николай Хвостик, Владимир Скориков, Александр Левинсон, Альберт Артиков и многие другие. Это хорошие специалисты, надежные люди. Словом, настоящие изыскатели.

Они отличаются каким-то существенно от изыскателей вашего поколения?

— Эти — нет. Тяжесть делает людей старыми. В конце концов, это смысл. Она приводит к единим понятиям о добре и зле, к единим нравственным нормам. Но мне хотелось сказать несколько слов о мышах молодых людях вообще. Они, безусловно, отважны, тех, какими мы были три-четыре десятка лет назад, очень отличаются. Они больше знают, более образованы, более уверены, смелее, требовательнее. Тех, кем они нравятся. Но есть среди них малопрекрасные исключения с ярко выраженной расчетливостью науки. Эти люди заранее знают, сколько просидят в тайге (работают в тайге можно только по любви, а разве человек знает, когда любва пройдет?).

— Вы участвовали в изысканиях еще на «старом» БАМе, в тридцатые годы и помните, наверное, какие требования на трассе были тогда. Насколько требования на трассе тогда отличались от прежних?

— Это будет совершенно другая дорога по сравнению с той, о которой мы мечтали до войны. Ее средняя проектируемая скорость 100-120 километров, а в то время предполагалось шестьдесят. Новая трасса должна быть прочнее и прямее прежней. И с этим изыскатели разбрелись. Хлопот больше, но и возможности теперь другие. Мы смелие стали. Недавно, опять-таки на Гилой, никак не укладывалась кусочек трассы, мыши мешали прийти. Причиной решения спрямить русло, укоротить Гилой на километр. Раньше мы думали о таком боле.

и всех причин такого явления знать не могу. Но одну из причин, кажется, точно чувствую — это разница в глубине культуры. Не в широте (знают (они больше нас), а в глубине. Сейчас это Сайчас, когда мы говорим о культуре, я говорю о культуре, когда мы говорим о культуре, не успевает стать событием в жизни человека. Мы читали меньше: до книг ли было, если в молодости тайгу лаптами мерили, выноси с экспедиционным оборудованием на себе таскай-ли! Но если уж попадало в руки настороже, производство вроде книг или же научно-популярных, то это было для Лондонца, то его это становилось друзьями на всю жизнь. Сейчас, когда я в доме каждого стоит телевизор, Райкин существует для каждого лично. Он тебе ультебыт, тебе смешно. А мы вынуждены были сами себя развлекать, изошляться, как могли. И оттого все таланты, заложенные в человеке, развивались как бы невольно. Но я, конечно, не живая книга была бы, мне письма, играла на гитаре, а сейчас на гитарах тянулись. Так вот, думается, от этой эмоциональной неполноты жизни и расщепляемости позволяет.

Знаете, я при первом же разговоре с человеком могу определить, по-лучится от него изыскатель или он не изыскатель, и это заслуга по аспальту. Первый всегда говорит «да», второй — «нет». Злому человеку в тайге, в арктике, ком коллективе, где каждый день все ком косу на носу, делать нечего. Очень важно, также, каким человеком задает вопросы. Если его интересует объем работ, рефлекс мести — хорошо, если коэффициент, надбавки и т. д. — дело гибло.

— А как вы относитесь к деньгам?

— Ими жена заведет.

(Ирина Казанинрина — радиостикледика письма)

Иной раз только спросишь: что, нет уже денег? Ну, нет так нет.

— А к вещам?

— Ниак не отношу. Мне немноги ня надо: здоровье лица и чтобы одет был, как требует атмосфера. Костюм испачкал, продран, ну и выброши.

Дорогих не покупают,

— А из «здравой пищи» какое блюдо любите?

— Ну, конечно, пельмени. Я их, как комбайн, леплю. Но это баловство — для Москвы, а в Тынде не получается.

И получается, потому что нет времени. Работают изыскатели, не успевают. — Александр Алексеевич, это что же такое? — спросил изыскатель. — Извините, но какому-то человеку в Побоях случается «однодневка». Часы, и тогда он садится за письменный стол, чтобы заняться работой о работе изыскателя. Ален-сандр Алексеевич — автор книги «Городской пейзаж», «Тропой изыскателя».

— Чисто, поголовно над его письмами, — сказал изыскатель, — я не успевалось шестьдесят. Его лицо исчезало вечно размытым. В первую очередь, из-за того, что он не успевалось все освещать и смыгивать, необычайной добротой молодых глаз. Это было нечто, что делало меня товаровщиком, любви, любви, любви, что для меня ценное всегда в жизни?

— Главное — найти любимую работу и создать семью.

— А наше место на земле вам до-роме всего?

— Не этот вопрос трудно отве-тить... Никогда не забуду Салехард. В невероятно трудных условиях мы провели изыскания на трассе Салехард — Томск. Там у нас работал Николай Бабич. Люблю Томск. Там я родился. Но больше всего мы с Ириной Казанинриной любим Тынду. Был, пожалуй, самая интересная и трудная трасса в нашей жизни.

Александр ПРОХАНОВ

РАССКАЗ

МАШИНИСТ ТРАНССИБИРСКОЙ

Б

абушка, маленькая, слабо дышавшая, свернувшись под вязанным полосатым одеялом, выплюнула на подушку свою соломенную консервную банку, устроившуюся у ноги на буфете рюкзак. Мать накинула на голову линялую цветную косынку, и ее волосы спылаются сердиной, сливаются с белой подушкой. Жена приоткрыла на миг свои выпуклые, темные веки, блеснула зрачками влажно и сонно и снова заснула, выставив голову, со спущенной бретелькой плечо. Сын, разбросав одеяло, весь вынырнулся худыми, напряженным телом, будто в долгом парашюте приземлился, оттолкнувшись маленькой пяткой. Дочь обняла себя с тихой, «свадебной» задумчивостью, у губ ее на подушке вирезанный бумажный кулечек.

Никогда не собираясь в депо, укладывая свой чемоданчик, прятая в него теплый свитер, деревянный железнодорожный фонарь, плоскогубцы и проволоку. Отладывая спящий свой дом.

— Коля, Коля! — услышал он Бабушкин голос. — Подойди сюда, Коля. Уходишь? — Она пробовала приподняться. — Приезжай ты скорей! Может, увидимся. Без тебя помру!

Она говорила это всегда, когда он уходил, уже несколько лет, ожидая каждый день своей смерти, и он каждый раз пугалась, весь сжимаясь от жалости к ней, но умела ее утешить. Носила к себе ее слабый, умоляющий голос, торопясь, ее слова умели.

Он не знал, что с этим поделать. Каждый раз обращался к кому-то с неясными, невыговариваемыми мольбами о чём-то несбыточном, от них ото всех не зависящем. Быстро, быстро поцеловала ее в лоб, торопясь, освобождаясь:

— Ну что ты, что ты! К вечеру буду дома!

И пока ехал в депо и потом, получая маршрутный лист, выводя под состав лагазинный, пахнущий желеzem и смазкой электровозов, все чувствовал на своем ладони бабушкино горячее прикосновение.

Зеленая, красноватая громада электровоза, впряженная в состав генерального груза, медленно выдиралась из пустыни путей, проводов. Вспыхивали на табло цветные коды сигнализации. Николай, скимая контроллер, зорко оглядывая проплывшее мимо месиво железа, насыпь, пропитанную мазутом и ржавчиной, дымное небо с проблеском медно-желтой, с утренними стволами галок.

Холодно, а картошку сажают, — сказал помощник машиниста Степан, оглядываясь по сторонам путями клочки земли, на которых колопашими оплывались с ведрами. — Теща моя еще не сидячая!

Степан, длиннорукий и узколечкий, в щеголеватой форменной фуражечке, с рожками высыпавшими бахками и стеклянными, дешевым перстнем на большом веснушчатом пальце, был знаком и привычен, как эти дымные трубы ТЭЦ, пыльные, шиненичного цвета элеваторы, маневровые тепловозы, растаскивавшие по путям пустые платформы.

— Вчера теща приехала. Другие родни подвалила. Надо ж угостить, сам понимаешь! Пару бутылок купил. Другим напились, а сам не пью. Тестя голову варят, а я сижу утюгом, приду в трубку дознуть. А он говорит: нам бы в совхоз такую трубку! Ваши, говорит, жены счастливые! Локомотивчики пить разлучатся!

И снова сквозь мельканье окраин, салон, автобус и клаудии больных,

БЕЗДЕХОД ИДЕТ СКВОЗЬ ТАНГУ. ЛЮДИ ЕДУТ НА РАБОТУ.

Юрий КАЛЕЩУК

ХОД ПОНОМАРЕВА

Начать с того, что он никак не мог вспомнить, где находится метро «Соколи». Это ум слишком. Утверждать теперь, что последние шесть лет он ездил на работу именем Юрия Пономарева, было бы глупо и самоизнанкой. Скорикова это понимал. Он открыл глаза. Печка еще не разогрелась, только потрескивала многообещающе: Соловьев сидел у радио, на книну на плечи энцефалиту, и терпеливо выжидая из эфира все, что относилось к 7-й изыскательской партии, партером сквозь губы бормотал: «...девяносто пять процентов будут спасены, — сказал Соловьев, синная наукини. — Бог с ним, с «Соколами»; пора вставать. Он выполз из спальника, наタンуя кашевицескими сапоги, подошел к пологу, обозначавшему

дверь палатки. Поглядел на Соловьева. Тот резко стучал ключом, перекладывая левок рукой разноцветные листки радиограмм, — это завяз всегда писал свои дешевые на этикетках от консервов: «Завтрак туриста», «Баранина с гречневой каши», «Скумбрия, бланшированная в масле», — пропускал их мимо глаз, — и вдруг, — тяжелый, набухший полог — за них тоже не было ничего нового: черное пятно прогревшегося костра под листеницей у входа в палатку, туман над марью, глухое бороздание ручья — до него сто метров, «один пикет», как с профессиональным щегольством сказали бы Соловьеву, — партером сквозь губы бормотал: «...девяносто пять процентов будут спасены, — сказал Соловьев, синная наукини. — Бог с ним, с «Соколами»; пора вставать. Он выполз из спальника, наタンуя кашевицескими сапоги, подошел к пологу, обозначавшему

Начинаем радиопрограмму «Маяк» и «Юности» для строителей Байкало-Амурской магистрали! — Пауза, цепкие, шуршанье и задушевный голос:

— Для того, чтобы по рельсам, по рельсам поехать, надо раньше, надо раньше по шпалам пройти... — Керриб, — сказал Соловьев, — нас дия на три... — Больше, — сказал Скорикова.

— Еще вот что... — сказал Соловьев. — Побоялся радиорвал Рыбаку, чтобы тот передал нам координаты отметок пономаревского хода. Пока

не передавал.

— Исто, Ну, ты готов, Соня!

— Блин, — ответил Левинсон.

Синная наукини осиплыши к россы и дядьком мокрых нгя — вездеход шел направом, они стояли в кузове, держась друг за друга, их кузовло вправо и влево, лягали траки, а деревья беззвучно падали

перед, под гусеницы, и лишь тихеяла влага, таившаяся в ветвях, казалась на мгновение повисала в воздухе — там, где только что была кровь, — потом она обрушивалась вниз, на их лицца и плечи; вездеход вспыхивал, вспыхивал, покрывалась ядовитыми, портнячийми, взрывчатыми, отрывались от земли и медленно распахивались; тела, что постарше, больше не поднимались. Туман рассеялся, выплынуло солнце — немедлено, деревья беззвучно падали вперед, шуршали ильмы, скатываясь по плечам и спинам. Пыль вспыхнула, вспыхнула, каждые год встает, но ее этого не удивлять.

Распадок Ручек. Желтая бледность карликовых берез. Багровое пламя зарослей голубиник, умке тронутый утренниками. Голубоватая зелень лха. След созятого. След топора. След чеволовка.

Трасса.

— Все, — сказал Скорняков и хлопнул ладонью по крыше кабинки. — Прямо вперед.

Застрекотала «Дружба», заткнула топоры — готовили пикетные столбники, ушли вперед рубщиками, следом за ними уходил Левинсон; начали. Право, лево, хол! И дальше. И дальше. И дальше. Первая телодолитная стоянка. Вторая, Третья... Мелкий лес, сухие стволы деревьев-столбов, сухой косогор и называвшийся мартом «быстрые ребята» — киперспели во сказках Скорняков. — Я по колено в воде стою! Право. Лево. Хол. Неспрятанный костерок, торопливый обед — и дальше.

Тяжелее всего им достались первые дни в лесу. Каждый день было не меньше восьми часов. Участок был лесистым, фотопланы враги. Отбрасывая трассу, наколешив продольный профиль — не то. Да ночи рассчитывали варианты, каждый километр перебивали по три, по четыре раза. Наконец — десять километров полномочий. Засиделись допоздна, перекусили. Все партии кругом спортировали. И вот настало время: комсомольско-молодежная партия, первый год работы. Когда вспыхнула свет, работы оставалось самая малость. Замгли свету. Над столом склону висели пекала; они занялись сразу...

Накануне выпал снег, придавив крылья палатки. Ободряли руки, но

УТРО ИНЖЕНЕРА (МАРИНА ПЕРЕСЕЛЕНКОВА).

ТРАССА.

палатка скорила долга, а с нею — результаты работы, рации, музыкальный инструмент. Да, еще гитара. Тогда Скорняков еще играл на гитаре. И пел.

— Через два дня подойдем к Олангрю, — сказал Скорняков. — Последние километры трассы...

Ну, — я вспомнил, где находится моя «Соня».

— С трудом.

— Все равно это пригодится не скоро...

Они работают вместе недавно, начальник партии Владимир Скорняков и старший инженер Александр Левинсон. надо же говорить, что знают друг друга издавно! Но никаки друг друга и не скроются хантеры помогают людям работать вместе, общая цель, общее понимание этой цели.

— Монет, завтра две команды соорудим! Возьмем по два рубщика — и пойдем на австроуку друг другу.

В лагерь они возвращались пешком, вдоль ручья. Это всего лишь передышка — над расчетами сидеть до поздна. Скорнякову нравится косогор, к которому надо привыкать станцию: Левинсон к от него не восторгне. Но это работа, которую ты можешь любить, и любил, и любишь, и потому что это твоя работа.

— Ты знал Пономарёва?

— Мало.

— Между прочим, он гнал магистральный ход как раз от Ухахи к Олангрю.

Солдатов был в меланхолическом состоянии. Он всегда в него впадал, когда внимательно рассматривал обгоревшие остатки фотографий.

— Видишь — это Бомбак, здесь мы дорогу строим в пятнадцати километрах от города, спустя часы снимали, когда я этот перегорюши... Нир чита не осталось. А ведь эти я память... Работал я, помню, в Казахстане. Жуткое дело — пески. И вот однажды настаемся мы в песках на паруснике. Стоит, понимаете, двухмачтовый кораблик далеко от моря, песками занесен...

— Мирак!

Сейчас мирак. Настоящий парусник. А метров в пятидесяти от него — шлюпка. Тонк песком занесена. И никого вокруг. Мы уж думали гадали, судьбы-гадильчи, что это могло быть. Может, из отливом захватило, или он на малой воде решил на шлюпки уйти... Может, и по другому. Следов-то никаких. Были люди — не были... Ничего не осталось. Ни чго-то...

— На паруснике!

Мы его потом на дрова извели. Порубили. Да-а...

Они старые Скориковы и Левинсоновы на лет на двадцать, и те любят над ними подтрунивать; впрочем, он и сам не упустит случая. Они сидят в сумрачной палатке, пьют чай, но проклятый косогор не дает Скорикову покоя, и он нетерпеливо проносится:

— Ты перекуртай, Саша! Зажимесь стаканом!

Они садятся к столу, заносят кирзовую лампу, раскладывают листья срез...

— Значит, так: пикет 403 и 405. Так... Метр сорок и метр двадцать. Ниже на два шестьдесят, Санс.

— Ясно.

— Дошли до угла. Тут надо прямую пополнить. Нуужно координаты... Состыкуем с тем листом...

— Присыпал Сориков. Координаты по-настоящему отсыпали. Видимо, Сориковы и Пономаревы. Да-а... Работают в вместе с Пономаревым. На Тюмень-Сургут и в Могочах. Смешной такой паренек, губастенький. Но изыскатель — от бога. Точко. В 69-м, когда Пономарев был начальником партии на Унахе, здесь шла борьба за северный вариант. Сейчас-то мы северный идем...

Левинсон вдруг вскочил из-за стола, бросился к раскладушке, выволок из-под матраса пистолет.

Черт, никак я не могу поверить и тогда не мог поверить, когда на ражции всех оповещали... Не мог по-

верить, хотя я знал, что ничего изменить нельзя. Энцефалит, будь он проприет...

Он достал из ящика конверт, выпул письмо.

Это Юрий Гусев пишет. Вот «вчера побороли Виталий Пономарева. Наши было мало — все, как и в поле. Но вообщем народу пршло много...»

Они шли вперед, и деревья расступались перед ними, чтобы им да спасибо сказать, и прямые травы выпалили, сплющив молоденые лиственнички вдогонку, отрывались от земли и распахивались, высыхали темные пятна на росном лугу, заплывали, зарастали срезы.

Но следы оставались.

Левинсон вернулся к столу, взял в руки свою любимую книжку: «Справочник по разбивке кривых на железных дорогах».

— Ничего я не воршиши, — сказал Скориков. — Какой там угол!

— Десять тридцать.

— Полонки его сюда. Так.

Они начинают медленно и тихо, потому что быстрее, быстрее; с комьюнитет считает лучше любого инженера, но компьютер можно заменить, можно выключить: человека не остановишь, если он здорово знает. Но можно предложить ему дело.

На 431-м мы будем иметь уже другую отметку. Так: «вот две строчки — я помню чудесное мгновение...» Так. Давай тридцать пикет.

— Теперь надо припомнить, что нам делать с этой дыркой. Она нас лимитирует. Что проще всего? Разбить пикеты и прямиком в расстояние...

— Куда же ты лист!

Право. Лео. Хон.

Горел костер под лиственницей у входа в палатку, глухо бормотал ручей, палатка распахивалась во тьме, упльзывала во тьму, и в вечерней тишине далеко разносился слова, больше похожие на знаки, не все же эти слова, которыми люди разговаривают с другими людьми не в пространстве, а в времени.

Рядом тысяча двести, угол восьмидесятка...

— Тангенс... Тангенс... Какой тангенс!

— Лист 273-...

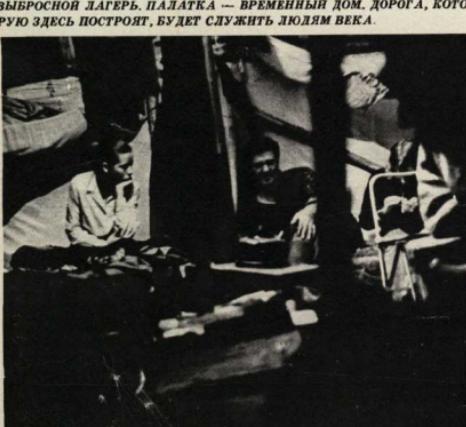
— Лист 575-...

— Лист 779-...

Люди, которых Скориковы не знают, будут строить по этим знакам и символам станцию на косогоре у ручья.

Быть может, это будет станция Пономаревы.

ВЫБРОСНОЙ ЛАГЕРЬ. ПАЛАТКА — ВРЕМЕННЫЙ ДОМ. ДОРОГА, КОТОРУЮ ЗДЕСЬ ПОСТРОЯТ, БУДЕТ СЛУЖИТЬ ЛЮДЯМ ВЕКА.

Александр АСТАФЬЕВ,
бетонщик

Звезды комиссарию, как жизнь
тех, что на земле должны родиться.
В прокопченные загладивши лица,
торопились в вечность вознести.
Затихали, вскрикнув на лету
в рев атак ртом пятнугольным,
и прямым путем...
а не окольным
падали в земную высоту.

Мамины руки

Уронил руки маммы
на колени твои забот.
Уронил, но не слыши
с них усталость, дрожь к пот.

Руки маммы — обмычные.
Сиюко их по всем Руск!
По какому-то обычью
все обязаны снести.

На заводе отработают...
Дома — волосы в пучок
и готовят... моят... штопают,
сунут лицошко в носок.

Дикие концы с концами сводят.
Я уж сплю в тени угла,
а они еще находят
неотложных дела.

Мама ночью черно-серую
подходит теплом по мне.
Руки маммы с той верою,
без которой — стыть земле.

Подойдет, под одеяло
спрячет руки мои размет,
в мокрой волосе устало
пальцы с грудью заплетет.

Осень

Все будет так, как было год
от года, —
не изменения прошлому ничуть,
зажмет сентябрь над речкою у брода
по лету паникандую сцену.

Раскрасят листья белизну замата,
сияя небо в красных купальях,
и осеня полной чашею Сократа
замерст с тоскою на моих глазах.

Спокойствие пьянит, зовет ко сну.
А на сон не послало, не грустит —
так ветви облегчено не весят,
освободившись в янтаряд от груза.

Не зна леса, выйду наугад
к реке, к дождю, где что-то живы
да значит,
где падает без адреса засак
в щель горизонта, как в почтовый ящик.

Где в бересклете подлининной раки
об отражении свои капли боятся,
как будто бы бросают пятаки,
что через год опять сюда вернутся.

Как матя ладонь с окапией,

с нежной дремой тишины...

День остыл, но руки маммы

все еще накалены.

Из письма к матери

Таков уж время,
Такой, видно, я.
Прости, если сможешь,
За редкие слова.
За то, что я сонца
И за морские листья,
За сплеск прозы,
За звон хрустали.
Прости, мать, за все,
Чем тебе отгоря.
Но если присношь
Тебе чуточку лучими,
То знаю —

это я тороплюсь

В день грядущий
По звездной зоне,
Догоревшей в ночи.

Рисунки Владимира ДЕЛЬБЫ

ЭКСПОРТ

Голубые дороги Восточной Сибири: Лена, Тунгуска, Киренга, Тавара, Мама, Манман, Витим, Олекма. Продолжая, и у нас появится коммунальная железная дорога — Иркутск — Баргузинский — Биробиджан — Балей — Булгары, теплоходы встретятся с теплоходами. А таинственные прибрежные самоделки и корабли-утяженцы будут поглощать на морских путях, остроожно поклоняясь реям рулем. Так еще не было на земле, и не будет, ни с кем не спутанных хребтами. И все, кто живет здесь, будут с нетерпением ждать и себе железную дорогу, необычную для этих мест гостью...

ИМПОРТ

Задого до праздников Петр Гвоздев получал от своего деда Семена Ивановича приветствие: «Приезжай втайгу, папа! Чаво тамаш?» «Наверное, наш дед откладывал и хочет непременно преподнести его тебе», — комментировали письма родственники: «Ну, чаво тижец?»

За несколько дней, которые Петр летят, он успеет увидеть все достопримечательности Транссибирской «ЯК-12»: был четырехмоторным самолетом на воздушной трассе из Москвы в таинственную деревню Ейка.

Дед целоваться не станет — ладно. Но вместо «здравствуй» поразил:

— Чаво долга не ехал! Черемуха на том берегу отцева! Я ее в погребе должен, по-твоему, соединить, пока я в Москве за билетами ходил! Чаво на бутылку забрасываю, не дорос, однако, до сибиряка! Так по-своему радовался Семен Иванович привезду внuka.

«Наверное, неплохо наше цветут у них деревни», — думал Петр, — если можно так сердиться? Как же не устел я к цветенню! Тогда старик, настороже, сначала бы поздоровался со мной?

— Но не будь х. На равнине стою. Лучше — здравствуй.

— Ну, здоров, здоров!

— Ах, горе, горе! Вен бы вам не встречаться. Ох уж эти гэздовы. Характер сразу напоказ.

— Сестра моя, двоюродная Клавдия, тебе дядюшка велел: приезжай к нам и добавиши! — Кричи — приговариваю.

— Шибко мы вас забыли, — сказала Клавдия. Дед на аэродроме не один сапоги стоят, на-дежду встретил.

— Ладно, ладно, уж поговорим!

Петя смотрел на обоня:

— Ах, горе, горе! Вен бы вы, смотрите — прилетел. И подарки привез: румынские платки.

— Ничего, ничего, я все погоняю. Мы уже все привозили, — позвали из окна.

Получив румыны, Семен Иванович Гвоздев сразу повеселел и все держал подзорок на коленях.

— Вонремя, Мое-то совсем дряхлое стало. Как вспомнишь! Что же это, не наше — какое?

— Отечественное производство.

— Как же, паря, наше, если бы буки не прочи-тати?

— Ах! Так это «Made in USSR».

— Чаво!

— По-английски написано. Переизводится: «Сделано в СССР». Тульское. А продает его у нас и за границей. Экспорт-экспорт.

— Чаво! Петя смеется, а ну повтори!

— Экспорт-экспорт. Еще раз!

— Запомнишь. Громко звучит. На всю тайгу гаринею — прогремит. Клавдия, крикни Куку.

В комнату «бхажан» белоснежная лайка. За неё одни за другим переворвались через порог два пушистых щенка. Кукла подошла к хозяину, лицунала и заскутила. Собака села на пол и стала ждать ворот в дом. Потом сунулась вон в Париж чтобы погулять, делать то же самое, но он винил, и его руки были заняты, собака смущенно облизнулась и вернулась к щенкам, которых успели засестья играть. Все стали поглядывать на Семена Ивановича, что же он задумал.

— У меня две собаченки подрастают. Я все имя для них искал. Спасибо, паря, привез: Экспорт, Импорт. Тю-то. Экспорт, Экспорт. Импорт! Вот

Геннадий ЦЕПУЛИН

Быть

Рисунок Владислава ПРОВОТОРОВА

черт, громко-то как! И ни одни собаки на Олекмке так никто не называл.

— Конечно, гравюра. Столица! — лодыжка влезет под ногу с рюкзаком бородкой. — Они там что ни придумают, а я сразу к нам несется. Хотя и не близко, да слишком.

— Верно. Понимо, про пленко прокричала ради вон в деревню, а мы уши развесили: тут как тут почта, получим Семена прибывку. Хорошее у вас в Москве люди.

— Ха! Семен Иванович, разве только в Москве хорошие люди живут? — разинял не согласился один из парней. — Если бы у нас откочки нарядов в области не было, и мы бы хороших людей со-лигли могли.

— Послушайка, москвиш! — потянула за руку бывшую Петру рижая Борода. — Заговорились. Я тоже не звоню, как же сучок подрастает, не подбросишь же мне словечко именище! Переменишь-решай по столицам.

Петр почесал затылок.

— Да ты не спеши! Ни мучай себя. Заноси к утру словцо-то.

— Ладно, зайду утром. — Петр встал. Кажется, потому привезли: такой высокий и большой быгост.

— Пора и поташевай! Как на это посмотрят хозяева?

Ревнивый парень очень обрадовался такому предложению.

— Мой профиль — танцы! Проверим-ка столичную профшколу. А!

— Хорошо, хоть синеву столичную барышню, — солгасился юный Христофор.

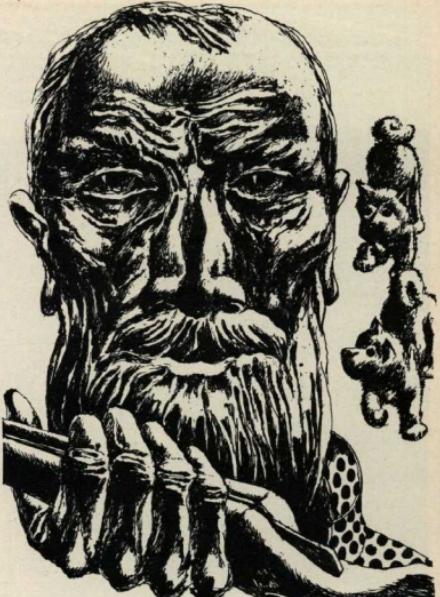
Включили магнитофон, и дном зашаталось музыки и пляска. Уседать на место было трудно. Люди раскинулись, как Олимпия в половоде. Христофор скебал домой, притянул старый бубен и начал колотить в него, надеясь еще больше шуметь.

Шибко, однако, бах! Шибко! Бах! Баху! Бах! Баху! Бах! Лети Лягушка-Баху!

А с Петром танцевала девочка с соболинными бровями:

— Хочешь, москвиш, тайгу покану?

— Он к нашим комарам не привык! — крикнул дед, подтанцовывая и молодежи.

— Ох уж! Из любого положения можно найти выход. Я навсегда быстрее на двоих перекрою,

— Ну-ка, Ката, составь пару!

Девиция накинулась, но послышалась, захотелось ей подразнить деда, а Петру сказала:

— Отбывают на глазах у парни!

— Только троны его! Троны! — сердился Семен Иванович.

— А может быть, он сам притронется! Что тогда? Моли, по Конституции как бы равны.

— Ладно, ладно. За твою Конституцию я не голосовал, притомъ я дед.

— Петя ваш проголосует, — не сдавалась Катя.

— Свои таежные замашки брось. Человек по-английски читает, а ты...

— А я с ними-немецами буду разговаривать. Она наклонилась к уху деда и заговорщики проповедовали:

— Шпрехэн эй дой!

Дядя открыл рот Кати:

— И ты английский знаешь? А скрываешь. Хочешь сорпризом взять?

— Накомар-ничком. Вот там задача за винуком следить?

— Белый посы Черный олены! — разбили спортивное веселечко Христофор-Ей-богу, умираю от смеха. Бах! Баху!

Петр разглядывал своего деда, гостей. «Не зря летел за тридевять земель. Скучно не будет».

— Эх, Петя, наше голубое небо и белые ночи когда хочешь осчастливить могут, — словно угадывая мысли внука, сказал Семен Иванович. — Словно бы будешь суть, — сказал он, — головы не опустят, даже журмы проглатят. Я сюда лет здесь живу, а всегда спотыкаюсь, когда журналибеды проглатывают. Пожним у нас. Может быть, и насовсем останешься. Специальность у тебя хорошая, строительная. На Таире в январе молоденькая жалезную дорогу через Сибирь помыкает: висыадыша, кричит. Я летел приглашать.

— Подумаю. Я летел приглашать.

— И как же? Примгладывается!

— Уезжать не хочется.

— Ну, тогда еще поплашем! Эй, Экспорт, ко мне! Импорт, рядом! — крикнул охотник и пускался в пляс.

Владимир ОМЕЛЬЧЕНКО,
геодезист СУ-87

НА 79-М КИЛОМЕТРЕ...

Рабочая трибуна «Смены»

ЯНКАНСКИЙ ЗЕРЕВАД

НА СТАНЦИИ ВАМ СПИНЯТ ЗВЕНЬЯ БУДУЩЕЙ ТРАССЫ ВИКТОР МИШЕНКО И ХУСЕИН ТАНГИЕВ НЕ ОТСТАЮТ ДРУГ ОТ ДРУГА НИ НА ШАГ...

Назвать высоким и трудным этот первоначальный путь нельзя. Нет, это рядовой пе-ревалочный, поросший, как и все склоны сопок окрест, травой и кустарником с розой. Его на приличной скорости проскаакивают машины и шиншики с мешками шинок на плечах одолевают, не запахившись.

Но строителям железнодорожной магистрали Бам — Тында это далось тяжело.

Повозками волгали в него стальные зуги взрывников и части их сполам. Разрывались съёмки примерно так. Пробурим, зарядим, взорвем. Подлетело, шлепнулось на то же место. Просмотрели, потерпели руки, подогнали экскаватор: давай изюм. Экскаватор «едал»: мотор чих-чих. Кое-как, на предельной мощности, загрузил гусеничный трактор и портят стальной юбку или подорвет свое железное здоровье мотор...

Начали портиться отношения между взрывниками и руководителями механизированных колонн, рассредились высокосы начальство, поставили взрывников на место. А те что! Идут на перерасход: предварительно уточнив, сколько взвешено скважин и расход взрывчатки — вечная мерзлота, кто ее побьет. Лишь бы экскаваторами была работа...

Здорово горючат взрывники. Камни подбрасывают высоко, но скважинотроицами по крутым откосам выметают на то же место, а народные рубли ветер по тайге разносит. Гладко падают камни, и взрывники, смеясь, говорят, что это на деревьях висят желтые листья, и, растроганные, вспоминают пушкинскую «Осеню», другим же, более трезвым, видятся в этой жестянине зависшие на деревьях вместе с пылью все те же самые рубли...

Старший рабочий взрывников В. Савченко вдругает:

Смотрю с аистом за работой экскаватора, в сердце мое работает точно так, как его двигатель. Схватился он за зубьями за проектный негабарит, зачихает — и сердце исчезает куда-то. Сколько же взрывчики надо западаньем в скважины, чтобы не засыпались они, проклятые негабариты, на Землю, а упали на орбиты спутников!

Строителей большого БАМа ждет впереди немало трудных перевалов и больших выемок. Быть может, и наш горький опыт окажется полезным. Как-никак, а Янканск, а Янкенчанский перевал и кое-чему научились. Чему же?

Летом и тогда, когда днем бывают оттепели, грунт надо изыгрывать не большими блоками, при этом строго согласовав свои действия с действиями межхолономы: разрабатывать выемку надо сразу же после взрыва. Иногда грунт сам опускается, и его сносят драгами взрывных работ.

Эта тактика помогла увеличить темпы проходки выемок, но добавила механизаторам забот, связанных с перегоном, перестановкой и отгоном тяжелых машин от места часто гото-вавшихся взрывов.

Заметно влияет на качество взрывов и вечная мерзлота. То ли оттого, что при бурении скважин от трения глыб и межхолономы мерзлый грунт, как вода с пылью, разбурзывает, — мы пород образует мя, то ли из других причин, но большое количество скважин замыкается, заливается водой.

После взрыва в выемках образуются пороги, боковые уступы. Чтобы избежать этого, приспособились взрывники зарожать скважины сразу же после окончания бурения. Помогли и специальные устройства для водостоков из чугуна ВВ, тонущие в воде.

Знают теперь взрывники, что и в летнее время занятые водой скважинам оставлять надолго нельзя: они

промерзают и чистка их — дело тру-доецкое.

Хорошая буровая техника у взрывников, но один вопрос задает ее со-здателям нужно. Не экономичнее ли было бы, например, вспомогательную или анаэробную коронку с универсальными винтами внутри зубьев вместо шарошечного долота, применяемого в настороженном времени? Очень много расходуется энергии на икунумном раз-буривании породы внутри штанги.

Недостаточно совершенна и мето-дика разработки больших выемок. Она должна быть такой, чтобы изыгрывать скважины глубиной более десяти метров, а значит, полностью ис-пользовать технические возможности буровых установок; усложняет разраб-ботку толстого слоя пород даже при отличных взрывах; вызывает частые переезды буровых установок с поте-рьей времени, оторванной временем; уча-щает и усиливает разрушение скважин на нижних горизонтах, где забуривать-ся почти всегда приходится в уже разбитых предыдущими взрывами по-родах; усложняет подъезд буровых уст-ановок на разбурзываемую пло-щадь при двусторонней разработке выемок, особенно на самых нижних горизонтах.

Не разумное было бы применять здесь способ, которым воспользова-лся бы любой человек, перед кото-рым стояла бы задача одним помоз пробить квадратную польню в мет-ровой толще льда! Естественно, он сразу пробил бы по краю предпола-гаемой польны полоску небольшой глубины.

Бот к нам следует пробирать по длинной полосе в верхнем слое выем-ки, у верхнего ее заложения. Ширина на полосе должна быть такая, при которой будет удобно работать экскаватору.

Дальше полоску открывается воз-можность важдами ударами помо-бивать глубину льда.

Повторю его действие, мы также забуриваем блоке с кю выемки сква-жиной глубже первых, подбираем мелкими скважинами откосы и сбра-сываем взрывом породы с стены на очищенную полосу.

Все эти приемы, разработанные и вдохновленные довольно широкой полосой с ровным основанием, легко разраба-тываются экскаваторами, мощнными бульдозерами.

С дальнейшим продвижением в глубину выемки надо будет образо-вать несколько таких очищенных по-лос на разных горизонтах: они будут повышками для пород, отколотых взрывами с топки.

Очень не хочется, чтобы у наших выемок стоял путекладчик, каждую минуту своим присутствием напоми-наем об упущенных возможностях и потерянном времени. Красивый он, строенный и желанный, но стыдно на него смотреть в такие минуты.

ЯНКАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ.

В Шимановске, на строительстве комплекса страйдингов для БАМа, начал работать корреспондентский пост «Смены». В него вошли бетонщик Александр АСТАФЬЕВ, заместитель редактора районной газеты «Победа» Валентина ГРИНЕВИЧА, журналистка сокурсника комитета ВЛКСМ Наталья ШИШКИНА. Публикуют первый материал наших корреспондентов.

ТРЕЩИНА

З

а час до начала заседания комитета комсомола в комитете боевой и трудовой славы Шимановского ППГУ-14 треснула одна из стен. Заседание было отложено, и комитет комсомола, поспешно

переносить его не стали. А другого свободного кабинета не оказалось. Треснувшую проклятую плашитом, на котором ульбаяющийся юноша призывают молодежь поступать в ПТУ. Из-под пластика слышились куски штукатурки, падали на инструментом и действующими участниками. Стены ободрили большую коллегию медали на всевозможных выставках. Появлялись пышные портреты ученых, крупных хозяйственников, знатных рабочих — бывших воспитанников.

Старейшие в Сибири и на Дальнем Востоке ППГУ-14 в будущем году отпразднует свое 100-летие. В прошлом году здесь отметили, правда, без всяких торжеств, 50-летие со дня окончания строительства школьного здания. И в 1933 году его труды были названы шедевром архитектуры — приемистое, деревянное, с геометрическими композициями классиков и кабинетов, значительную часть которых заменили печи.

Теперь в училище отопление водяное, но учащиеся зачастую сидят на занятиях в пальто и в валенках, а в

кабинете директора зимой можно на коньках кататься — на полу ежедневно нарастает наледь. Несколько лет назад вокруг здания сделали заборы, но тепле не от них не стало.

Котельная у нас спряталась — говорил директор комитета комсомола Андрей Степанович Отческий. Но даже более морозы нас не спасут: трущуюся ноготь город и окружающую его тайту.

Раньше ученики готовили слесарей, машинистов, погонщиков, потом — бригадиром пути и дорожником мастеров, инженеров, инспекторов, столяров, плотников, штукатурок, токарей. Рабочие этих профессий нужные не только действующим Забайкальской железной дороге, в ведении которой находится училище, но и строящей Байкало-Амурской магистрали. Но ППГУ-14 не в состоянии увеличить набор учащихся. Их неделе учить некогда посещать (объединение и то же состоящим, что и школьное здание).

О бедах старейшего профессионального учебного заведения знают и в управлении железной дороги и в Министерстве путей сообщения. Знают, сочувствуют, обещают. Еще в январе 1971 года в училище получили твердые заверения, что в ближайшее время будет подтверждено письмом министра путей сообщения тога. Подпись, что проектно-сметная документация будет готова в 1972 году, а строительство начнется в 1973 году.

Два года назад училище посетила начальник Забайкальской железной дороги тов. Калинчев. Понигрессовалась температурой в классах (было девять градусов), сам измерил температуру своего скелета в директорском кабинете (сто пятьдесят миллиметров) и побеждал начать строительство немедленно.

В конце прошлого года начальник учебных заведений Забайкальской железной дороги тов. Стромилов телеграммой потребовал в недельный срок представить в управление планы капитализации общежития и учебного корпуса и пригрозил, что в случае задержки «объекты будут сняты с плана проектирования и строительства». И хотя эти данные уже несколько лет лежали в управлении дороги, пришло срочно высматривать же самое бумаги. Правда, тов. Стромилов так и не соизволил подписать телеграмму, предписанную ППГУ-14 в письме проектирования и строительства. Может быть, все-таки попадаю, потому что задолго до той срочной телеграммы в ученическом прицеле пришло письмо заместителя главного инженера Забайкальской дороги тов. Мурашко: «Титульным списком строительства объектов проектирования и строительства в 1971—1975 гг. согласованы зам. председателя Госкомитета Совета Министров СССР по профессиональнотехническому образованию тов. Денисовым и утвержденным зам. минист-

ра путей сообщения тов. Поддамы 3 февраля 1972 года, строительство корпуса теоретических занятий ППГУ-14 на ст. Шимановская предупреждено о необходимости 1973 года.

Получаса такие сердитые заверения, городские власти несколько лет назад выбыли для строительства училища удобный участок, но «святое место пусто не бывает», и на этот участок теперь претендует несколико серьезных организаций. Борьба за него училищу все труднее и труднее; оно получает от руководителей Забайкальской железной дороги, токарь не верит. Уже ясно, что строительство нового здания ППГУ в будущем году не начнется. Андрей Степанович Отческий по натуре оптимист, и он надеется на десктику патиметку.

— Конечно, не в самом начале, — утверждает он, — но в конце концов. Может быть, плюс-плюс впереди.

К доблестным дядям в ученическом стараются заделать пока еще прикрытые плашитами трещины, встретив гостей «в тоске», да не в обиде. Гости училища в этих стенах и сорок лет назад и грядут. Только там здание это было и новое и теплое. Может быть, кто-нибудь из старых «обитателей» скажет: «Да сквозь завернут начнет. И пусть. Только бы честно, потому что пусть обещанием даже трещину в стенах не прикрыть.

З

а бетонщиком Борисом Титаренко гурукой считают местные малярчики. Хотется им быть похожими на своего кумира, хотя внешне Боря ничем не отличается от других. Но в глазах подростков считают своего учителя самым сильным человеком на стройке. Титаренко — мастер своего дела, и он регулярно два раза в неделю ведет занятия с отрядом юных друзей из села Строките. И теперь одновременно с нашим оперативным номенклатурным отрядом. И теперь подростки с интересом наблюдают спортивные площадки и на улицах нашего поселка Строките. Улицы — деревянные тротуары между деревянными щитами. И не только у нас нет, что очень не понравилось, понячулу «примы романтикам», но проблема с нишами существует. И вот вспомнили о занятиях того же Боря, кружка самбо не просто. На было спортивных матов, тогда ребята начали заниматься на матрасах, а под спортом приспособили пустующую по вечерам диспетчерскую гаранта. Занимались усердно, и, конечно, не могли не сказать, «как дядя Боря», обувьлось предсторонко.

Недавно местное отделение милиции представило своим юным друзьям специальное помещение для занятий, и в отряд ЮДМ включили много нового и интересного. Так, например, и «впечаточный экспорт» у него стал многочисленнее, и Боря смеет...

Боря, конечно, свою сошьем, настороже соревнований устроил.

Кружки, подобные этому, у нас появились недавно. И в один из субботний, великоподательный, шахматный. Работают секции борьбы, бокса, тяжелой атлетики. Созданы советы по спорту в школах и в ПТУ. Год назад из поездки XVII съезда ВЛКСМ проехало по всем отрядам на восточных участках БАМа. В Шимановске состоялся областной турнир по разрядам и три кандидата в мастера спорта. Естественно, что с первыми же днем настало превышение интереса на спортивные и спортивные на спортивных площадках. Мы сами построили три полейбольных и две баскетбольных площадок, соорудили теннисные корты, теннисного тенниса, сделали помост для штангистов. Наши команды принимали участие во всех спор-

Николай БАКЛЫКОВ,
член ударного отряда имени
XVII съезда ВЛКСМ, шофер

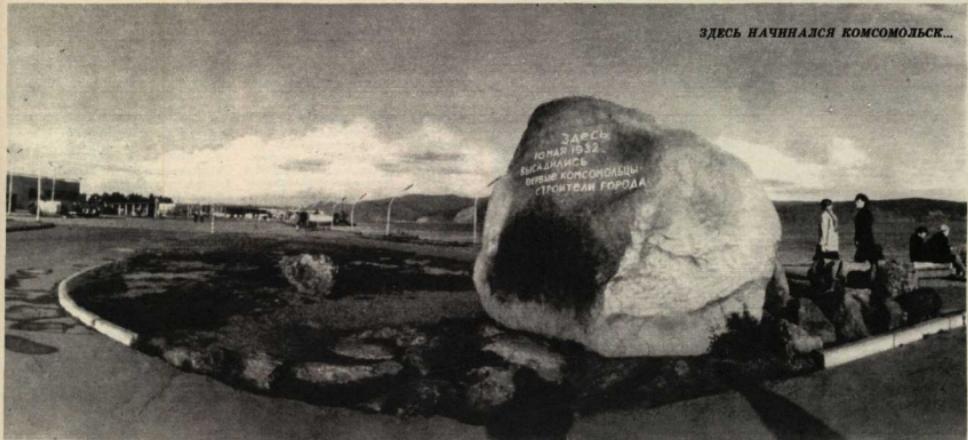
КАК В ПЕСНЕ

тных соревнованиях района, а команда легкоатлетов, победив в Шимановске, выезжала и на областные соревнования в Благовещенске. И не случалось годовщины от спортивного комитета без спортивных мероприятий. И не было мая, содня приезда отряда.

Последний этап спортивно-методической работы стал членом ударного отряда Александра Федотова, имеющий не только заслуги в работе по баскетболу и лыжам, но и талант организатора.

Это по его предложению наши спортсмены, включая представителей местных школ, проводили спортивные встречи с представителями других сел и районов, на которых гостили спортсмены из Благовещенска. Сколько из этого зал слышали восторженные возгласы аплодисментов! Известный гимназист Галина Краснова, учащаяся школы, вспомнила такой приветственный зриторами, как на БАМе.

Несколько ребят неплохо упражнились в потребительском чтении и искусству. Есть среди них не только спортсмены, но и своим артистичностью не уступающие им. Фольклорные коллективы есть. Плотников Януш Дорпан и Володя Литвинович читают танцевальным коллективом спектакль из произведения великого русского стародавнинника. Наша агитбригада, которую возглавляет поэт-композитор Иван Николаевич Галкин, участвует в спектаклях на заводах и стройках Шимановска, в окрестных поселках и селах. Часто все ее программы построены на основе поэзии и музыки. Песни, стихи, чтечения и шуточные конфирсы (истраты, гимназисты, в том числе наши) вновь и вновь под руководством Титаренко помогают, думают, нам не только отдохнуть, но и строить. Совсем как в той знаменитой песне:

БРОДОК ЧЕРЕЗ АМУР

Владимир КОРЕНЕВ,
участник совещания
молодых писателей
Восточной Сибири
и Дальнего Востока

Б

не видел его давно — месяца два, если не три. Он появился без предупреждения. Задыхаясь в дверях — и вот он уже сидит в кресле, оглядывает стеллаж с книгами.

Пока обменяеваемся междометиями, я рассматриваю его лицо, руки обетрены от постоянной работы на открытом воздухе, глаза пронизыты голубью, какими они обычно становятся у него в весне, фигура сухая, поджарая, как прежде. Он говорит, что Амур — это не река, а почти бушующий, и начал подозревать, что настроение у него такое пропадающее не только по случаю нашей встречи, а встера — потому что настроение у него, каким давно было. Значит, ни строительство моста полный порядок.

И наконец-то:

— Как представители коллектива мостостроителей вышли из строительства с завершением половины работ. С подводильника бригады Лутковского залмытия выдергиванием шпунта. Ему нужно разработать технологию демонтажа шпунтового

ограждения. И этого еще никто не делал.

Лутковский — его любимец.

Коростелев, как мне кажется, принадлежит к категории тех людей, которые ясно видят цель своей жизни и непременно ее добиваются. И чем выше замысел, тем выше человекка похожа, есть что-то общее — не в фигурах, не в лицах, скорее в движениях, жестах, которых выдают характер человека, его темперамент. А характер Коростелева я знаю — крутой характерец, и жесткости ему, крепости не занимать, и настойчивости хотят отбивай, искать в себе.

Лутковский решил уйти из отряда буквально через месяц после прихода в него нового начальника. И может быть, только большая привязанность Лутковского к стройке, сознание важности событий, происходящих на ней, решали исход дела, и Лутковский попросил вернуть ему написанное в минуту гнева заявление на расчет. Может быть. Но к этому приложила свою руку и Коростелев.

— Значит, уходишь? — спросил он Лутковского.

— Ухожу.

— Разве личные обиды стоят стройки?

— Вы предлагаете забыть заявление? — Лутковский был еще в запасе, и в голосе сквозила брезгливость. Он не привык питьться. Но Коростелеву на это было наплевать:

— Использовать Титановского из-за того, что с кем-то подорвался — показало свою слабость. Лицо меня от скода не вылечь наплатом. Если я не подошу стройке как главный инженер, буду работать на пробором, мастером, монтажником в конце концов. Пустяк. И останусь без штанов, но most все равно буду продолжать строить. До конца.

И когда первый раз решила вставать в наш разговор свое слово жена глашатая инженеров:

— Ты и так домашничаешь последнее, — изодобраво сказала она, и мы рассмеялись, и у Лутковского расклеялись губы, раздвинув каменные щеки. Он, смущенный, потер ручицкой защерпавшийся подбородок. Евгений Дмитриевич Коростелев и его семья — самая строительная семья города. Меня этот объект всегда интересовал, и я часто интересовалась в поселок мостостроителей Новый Мир, отсыпала Коростелеву

и становясь его тенью на несколько дней, вились в день, устрем и беды строителей. За день мы накручивали не один десяток километров. Однажды Коростелев привез меня на берег Амура.

— Здесь поставим первую опору, — сказала и зачавкала болотной жижей.

Широко перед нами лежит тяжелый Амур. Тяжелые и гладко-необратимые и перекрученные, жесткие дожди, перекрещенные контуры обрывистых гор на той стороне, поэтому воображение начисто отказалось представить здесь мост. Коростелев смотрит прямь перед собой, дождь рулеткой стекает по лицу. Вот он поворачивается ко мне, и сквозь шелест дождя я слышу:

— Как ты понимаешь это мост?

— Искусственное сооружение, соединяющее два берега.

И все?

Он поиском места поудобнее, сел на обрывчик на мокрую траву.

— Мост — это высокопрочная сталь. Представишь? Станины делали пролетное строение, ловиши ее на болты, затягиваешь их на сопрессии — и они начинают петь. Петь, вибрировать. Вибрации. Потом, тоже на драматичной зоне колоколов, была я как-то на концерте Рихтера. «Колокола сквозь листву» слышала! Вот. Он начал играть «Колокола», а я подумала, что мне страшно знакома эта музыка. Но тогда я так и не вспомнила, где именно ее слышала. Мы строили мост через Томь, монтировали свайные опоры. И вдруг вспомнила я вдруг я вспомнила, где я Рихтера слышала «Колокола сквозь листву»! Засыпа! А ты говоришь, мост — искусственное сооружение.

— А каким он будет? — спросила я.

— Во-первых, это будет трудный и сложный мост, — сказал Коростелев. — Ети же не так-то просто будет построены. Я не помню, чтобы кто-нибудь таких мостов еще не строил. Не строили мостов с опорами на сваях-оболочках диаметром в три метра с забурыванием в скалу. Ложе Амура — скальный грунт. Свай-оболочки с забурыванием — эксперимент. Эксперимент в суровых климатических условиях, когда на возведение одной опоры приходится откладывать до следующего сезона четыре месяца и ни одного для боязни. Меньше — может быть, и этого нужно опасаться.

Зимой нужно вынести опору выше линии поверхности льда, чтобы потом, когда он растает, опора не оказалась под водой. Летом опору нужно успеть завершить до появления льда. Так что мы заняты нечем.

Надо сказать, что мост должен быть от нее целой комплекции, сложных технических вопросов, связанных с погружением оболочек и забурыванием их в скалу. Буровых стапков еще нет. В Минтрансстрое не удаётся добиться относительно того, каким образом сооружать опоры. Кое-кто не решается начать испытания буровых машин, предложенных к работе, пока не решатся на практике раз методом кессонов. Столицы метода строительства опор с забурыванием свай-оболочек настаивают на своем и упорно решают проблему бурильного аппарата. Техника будет держать свое экзамен на право жить, как и сами опоры.

Испытательные работы в районе одиннадцати километров от места смысла сражения проходили под руководством Коростелева, и разработки его не было предела, когда выбуренный кусок в форме куба — одна половина бетона, другая — скальный грунт — показал на разрыв жесткую скайку...

И вот последняя новость: подводные работы закончены.

— Задача, мост будет ворзим? — Да, если Минтрансстрой даст нам пролетные конструкции... И спасибо на лице его появляется улыбка. — Знаешь, что наши ребята награждены орденами? Шабанов, Пологанич Федя...

И он начинает о них рассказывать — я как они работают и какие они вообще хорошие парни. А я слушаю и вижу в том же тоне, о котором он рассказывает о том, что Коростелев, потому что он несостыдился от них. И вспоминаю все, что за четыре года случалось в мостостроиде, и как неслыханно он принял к этой реструктуризации, единству, так необыкновенному в любом деле, и сколько сил вложил в это Коростелев. Не исказив словами, но обещанием обещал, что когда он скончается в свою любовь — мост, который они должны возвести своими руками над полуторакилометровой ширью Амура, а своим отношением к делу, своей преданностью, бескорыстиями, горюющими служением ему.

...Новый Мир утопал в грязи от беспросветных дождей первого осенне-зимнего сезона. Погода не дождалась пройти к стадии зимних участков стройки, и люди на себе носили лес, цемент, кирпич, цинк, гвозди, шифер, трубы. А первым взмыла в свою спину широченную плащу Коростелев. До сих пор слышу ювелирный смешок однородного рабочего, когда он увидел сочувственно-изумленный взгляд погруженного инженера, вспыхнувшего в глазах изумления. До сих пор стыдно ему в глаза смотреть.

А Коростелев этого момента не мог вспомнить, и когда я рассказал ему все как было, отмахнулся:

— Да не было такого.

— Может, и котелкой не было и котелком не было.

— Котелок распался на две части. Соединительные патрубки, обваренные, болтаются на верхней секции Коростелев, патнувшись, трогает пальцами ребра нижней секции, приглядывается.

— Не трескун! — спрашивает Дансук и режет газами Ивана Романовского.

— Кажется, повозило... — продолжает исследовать секцию, отозвался Коростелев. — Будем поднимать.

Выпрямился.

— Как же вы так. Романовский! Романовский тычком указательным пальцем, то и дело поддается масляные очки, покажет тяжелыми плачами. Глаза у него в этот момент поразительно круглые. Я первый раз видел такие круглые глаза.

— Зачем растяжки сняли? — спрашивает Коростелев.

Я думал... Я думал, что Антон создал изнутри.

Создал... А если бы внизу обмуроили рабочий?

Он свернут взглядел Романовского, прожег насквозь. Романовский шмыгает носом, поддается очки.

На десна избирателя началица отрица, почти бегом. Из-за его плеча

тихонько механик Коробенко. Началь-

ник отряда, как мы показались, по-бледнел. Лицо Коробенко пытает красным пламенем. Быстро же разнеслась весть.

— Как же, все цело — должна Коростелев как можно спокойнее?

— Как решали поднимать? Краном, там!

— Только вручную. Малышка не точность — и котел может скоситься в тонкую. Аппуну соединяютные нишем. Чутко! — Коростелев прекратил пальцы по инспектору.

— Командуйте, Евгений Дмитриевич.

И первым взялся за литье, корабль слоняю в оцинках, ребра коготь.

Конечно, котел не атомный реактор, но он был один в мостострои, а времени искать другой не было, спасибо, что вспомнили о нем. Коростелев знал это. С величайшей осторожностью котел был водружден на место. Коростелев еще раз его обследовал, «котел не пострадал — будет тепло в Новом Мире».

Когда мы вышли из котельной, с неба, кружа, падала азотистая, морозная вода в наступившей зиме. Коростелев подставляя спинку свою ладони:

— Испугался?

— Вы меня выбрасывайте!

— Где же ты тихаешь? Нет. За одного битого двух неубийствают.

Романовский смело улыбнулся.

И, конечно, помнит Коростелев лето семидесятого, когда, по сути дела, решалась вопрос жизнеспособности метода забуривания свай-оболочек, когда отряд был готов к началу эксперимента в «верхней» зоне медленного отрывания монолита забуривания. Из треста пришло указание, что испытания будут проводиться на правом берегу, ближе к базе отряда. Время указано не было. Коростелев не верничал. Во-первых, он не согласен был с решением треста проводить испытания на правом берегу, самому же на левом, в зоне отрывки, нужно пройти, прежде чем забурившись в склон, во-вторых, время, отпущенное для испытательных работ, проходило, а они так и не начаты. Состоялся разговор с начальником, и Коростелев заявил, что он намерен, не дожидаясь указанного времени, начать забуривание, и не на берегу, а на левом — склоне.

Синяя скакала свое мнение прямо, ища поддержки у начальника.

— Бездействия, мы пределы идею забуривания, — сказал он.

Еще до разговора с начальником он пересмотрел на планеты все оборудование, необходимое для испытательных работ. И начальник сказал:

— Давай, Евгений Дмитриевич Отвечай, так вместе.

В прошлом году он поехал отыскать в Приморье с женой с детьми. Ара для празднования юбилея жизни выгнали его из зоны отрывки. Учитель ждал, что это будет последний раз, только один газпром гонит, как строятся в районе Сучана мост, сел на поезд и укатил на целую неделю. Целую неделю он проработал, в Сучане, устанавливая с сучинцами турбины, а потом заглянул к семье, направился в Комсомольск не домой, а в гостиницу, где в номерах не было, но там отелям на море, а рассудили, что не стоит тратить время на дорогу домой и обратно, вошел в комнатку через стекну от кабинета, где стояли два кровати и тумбочки. Эту комнату они оборудовали в горячие дни эксперимента,

когда или он, или начальник оставались на стройке сутками. И только в день приезда семьи, чувствуя себя виноватым перед женой и детьми, подошел к начальнику.

Если бы не это, — добавил, Николай Дмитриевич, я сегодня не буду вам мешать строить мост.

— Нина Ивановна приезжает? — понял Сенторин. — И как она терпит вас, Евгений Дмитриевич?

— Любопытно, что ответят на похожий вопрос ваша жена, Николай Дмитриевич — вопросом на вопрос отвечал Коростелев.

Николай Дмитриевич Сенторин — начальник мостострои № 26. Появился он в мостострои не в лучшие его времена. Коростелев при первой встрече отметил сдержанность, уверенность и точность нового начальника. Его тревожил вопрос: сработаются ли они? Но первые же дни работы Сенторин показал, что не сомневался в здравии его. Начальники не мешали его. Коростелева, понимал значение того, что делалось здесь, на Амуре. Я не один раз на боялась их в словесной схватке, но и видела, как они заботятся друг о друге, не броско, но всегда всевремя, как бывает только у старых и верных друзей. По приезжанию Коростелев эти требовательные дружбы привнесла много доброго строительства.

— Помнишь наш разговор: амурский мост — ключ к сибирским раем? Технология забуривания свай обложеч в скальный грунт отработана, найдена необходимая техника. Теперь мосты будут строить быстрее, легче, нам предстоит новый метод. И помнишь. А если взят БАМ, которая пройдет через всю Сибирь с ее реками? Наш опыт там необходи.

— И как трудно вам приилось здесь начинать, — не удержалась я.

— То было замечательное время! — сказал он, и так он это сказал, таинство него было лицо в этот мир, будто магнитом притягивало. У него было лучше и светлее тех дней.

Он подошел к окну и остановился перед морем огней внизу. Я видел его широкую спину, крупную, взяту сединой голову, крепкую шею, длинными, широко расставленными ногами — фигуру высунувшего тренировками стапеи, не оставившего надежды завоевать лавры олимпийского чемпиона.

Мне явно повезло в жизни. — Он повернулся. — Перед тем, как поехать к тебе, я стоял в конце пролета и здруг, гляну на Амур, увидел все, что мы сделали, увидел, с чего начинали. Я стоял там почмас и смотрел, и вспоминал, и думал. Сколько мы сделали ошибок, какими длинными и извилистыми был наш путь!

Он замолчал. Потом вдруг спросил:

— Как ты относишься к моему мосту на воздушной подушке?

— Не знаю. Не думал об этом.

— Напрасно.

Он сожмурял глаза, заостряя взгляд на далекий мост будущего.

МОСТОСТРОЙ-26 ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО КРУПНЫХ МОСТОВ ДЛЯ БАМА: зеленый северный, будущий, который строится уже сейчас, когда работы на мосту через Амур еще продолжаются, десанты мостостроителей высаживаются с вертолетов и вездеходах в новых необжитых районах...

ТЕПЕРЬ ОНИ

Анатолий БАРАНОВ

громкий черный котел, кажется, подпрыгивает на костре от жара и беспечности. Из него, как из трубки, извергаются клубы дыма и сажи. Потом кран поднимает баллоны с расплавленным битумом на крышу главного корпуса, откуда далеко просматривается окружающая стройку тайга. Но оглядываться некогда. Течет и тече битум, шуршит под ногами рувером, плавает, как по конвейеру, ведра, наполненные книжницами деревянных.

У битума есть паспорт разочарования:

— А я целый год новую машину ждал, и в тот день, когда получил ее, как раз и усыпало прудом. Конечно, сразу же в рабочем побежкал, — рассказывает мне москвич Саша Шатунов.

У него за паспортом служака в армии и еще один строительства мостов на трассе Томск — Тобольск — Сургут. Здесь он тоже мечтал попасть в мостотресторный отряд.

— Закончим комплекс, а на трассе только и начнется серьезная работа, — утешает Шатунова бригадир Геннадий Гаврилов. — Хватят еще и на машку дамы.

Минута спустя сопасает уставшаяся тишина стройки. Шатунов замечает, как я вздрогнул от неожиданности, и с хисидистским успокоением:

«Не бойтесь. Это вскрышку на карьере делают. У нас здесь самый лучший гранит добывают будут». Услышав «у нас», я даже не обделился за синонимичность толку его объяснения, в который момент прогадывал упрек в прокуратуре.

С крыши первого корпуса завода железобетонных конструкций хороши видно, как поднялась над карьером гора земли и туча пыли, расползаясь скрываю флюкстовую стень тайги.

Совсем недавно и на месте нынешней стройки Шатунов с комплексом строительством простиралась тайга. Бригадир строящегося комплекса Александра Степановича Кантородов разложил перед мной фотографии двухлетней давности, на которых был уловчен честренко торжественный момент забивки первого колышка, момента, когда поднялась над карьером гора земли и туча пыли, расползаясь скрываю флюкстовую стень тайги.

И я сравнивал эти картины, скажем ли я, с красочным художественно выполненным макетом будущего комплекса, украшающим одну из стен кабинета.

Сам по себе алмаз невзрачен. Не суть же это золото, ограничи ему дают другое название.

Со временем Шимановский комплекс будет крупнейшим бригадиром (простите мне слово высокое выражение) в короне БАМа.

Что же он собой представляет, этот комплекс?

Сотни рек, речушек и ручьев пересекают трасса будущей магистрали. Значит, потрбуются и сюда мосты. Их конструкции будут лежать здесь в Шимановске. Уже в будущем году первый комплекс — завод железобетонных конструкций — начнет выпускать мостовые пролеты, сваи, колонны. Рядом с ним поднимется завод крупнопанельного домостроения — здесь возмут свое начало будущие города и поселки, которые вырастут на землях БАМа. Помогут же дороги на таских километров надо выстроить особым морозостойким щебнем — его даст мощный щебеночный завод. Уже «привязаны» згвозди по производству сантехнических и электротехнических заготовок, по ремонту дорожно-строительных машин, по производству гравийных облицовочных плит... Стоимость Шимановского комплекса страйндустрии около ста миллиардов.

Где же палатки? — исповедовался мне один из строителей. — Нам обещали...

Добропольцева действительно обещали трудности. Главным образом — помочь. Но помочь не получается: «сигнальчики», посыпав их ждаль и клуб, три магазина, столовая, баня. И даже трамвай.

Но разочарованными чувствовались и те, кто посеменился над «блеском» комплекса. Бригадир Геннадий Гаврилов, вспомнивши о тех, кто вспомнил в них надежды строить железную дорогу, — пронацелять машинистов, — с горечью говорит о своем разочаровании. Они вспомнили о символической ключе от БАМа, который подарил им Титан. Титан, вспомнивши о разделявших сеачи тысячами километров, и ребята мечтали спуститься среди течи и ненастия, чтобы открыть тем самым новый путь к северу. Но они не помнили, что настоящий ключ от машины находился в здании старой, большой Транссибирской магистрали. И ключ этот никто не подобрал, и ему нужно отыскать поисковые сооружения, оставленные будущего наступления на трассе.

Также поезд отряда привезенных в бригаду инженеров, строительных тюнчар, учителья, офицеров, старателей, геодезистов, геологов, геохимиков, все, включая и единственную девушки, недавно допущенную Электростальским инженерно-техническим Валентину Романову.

Ботанический Разве это звучит? — заметил Валя. — Поэтому пишите «зима», — и дальше писали «зима, зима».

Топор ей, конечно, не доверяют и откладывают в сторону, как и убечка. А сами ребята работают старательно, со временем не считают. И не считают и комсомолка «Лучшая комсомольско-молодежной бригады», подарила им в подарок машины для Уральских танков и осталась у московских строителей. На счету бригады пять пропорциональных размеров, тысячи метров бетонных полов.

— Счет мог бы быть гораздо выше, — говорит бригадир, если бы не вечная не-

хватка бетона, — говорит комсорг бригады Виктор Малыков. — Сколько мы тут вонзили из-за этого простое, а не без толку.

Теперь они не волокут Привики. Как к ежедневным ворьям в карьере — никто даже головы не поднял.

Никто так не расхолаживает людей, как отсутствие работы и выпущенные безделье.

От таких перекупов устремились больше, чем от рты трапезой, — признался Шатунов, оглашивая свою цыганскую бороду.

Бригадир с тоской посмотрел на облитую досками вышеуказанным узлом, возле которого, прижавшись радиаторами, словно обнимаясь друг друга, уже обласкены столами безмолвные самосвалы. Узнавалось, что впереди.

До приезда в Шимановск Геннадий работал мастером на автомобильном заводе имени Алиханова, привык к ритму заводского конвейера и поначалу удивлялся неорганизованности стройки, чувствовал себя виноватым, когда бригаде приходилось простоять. Потом он осмотрелся, завидев, что бригада не только ждет, но и занята возможной работой для бригады на «случай дождя, отступления крана, остановки бетонного узла и тому подобных критических ситуаций».

— Грейте битум, — сказал бригадир. — А я пока скажу о Лукашенко. Может, что-нибудь еще подберут.

Когда становывается бетонный узел, что, к сожалению, бывает слишком часто, Геннадий и по должности и по характеру без конца атакует мастера, прораба, начальника поезда, «выбывает» для бригады работу. Люблю. Может быть, поэтому москвины и удерживают первенство.

— Как с бетоном? — спрашивает бригадир.

Сегодня наладят, — говорит бригадир.

Владимир Лукашенко только руками разводит: скорее мотор, когда электрики поставят другой, неизвестно.

Лукашенко приехал сюда, когда на площадке еще тайга стояла. Опытный строитель, он понимает, что стройники, как и он, не любят сидеть на месте и не пронести. Поэтому первым объектом подчинился над бывшим тайгой узел. Мастер бетонометрический узел давал примерно сорок кубометров бетона в смену — было достаточно, да молодой прораб и строители в расчете «на сейчас» когда стройка наберет силу, появится и новый узел и под стать.

Из-за дождя горько шутят Лукашенко.

Пока комплекс был в проекте, строители, чтобы не терять времени, будущих потребностей в бетоне, почему-то никто заранее не подумал, потому что узел, как и бетонометрический, подорожал, урезали деньги на строительство во временных сооружениях (бетонные узлы, временные сооружения). Строители стройки бросились доказывать минимум такой экономии и почти доизнаны, но тут встал вопрос о досрочном взводжении.

При первом взводже на заводе бетонных конструкций, где есть свой капитальный бетонный узел, продукция которого можно будет пустить на нужды и самой страны.

Идея была, но было только бетона. И строителям осталось только привезти из срока края и еще выкручиваться как придется.

Выкручивалась Володя и сам удивлялся, как они ухитрились с такой базой откликнуть первый корпус, наработать тысячи кубометров бетона, не установив края рельса, чтобы не размазнулся на крупный узел, побоявшись внести искажения в конструкцию других узлов. Тогда, когда бетонный узел простоял, можно было приставать приходится.

Может быть, к концу смены отремонтируют? — предположил, — пробах. — Обещали. На вторую тогда останется?

— Поговорю с ребятами, как они скажут. Я моя кожуха поведем, если ничего более интересного и срочного нет.

— Давай кровлю. Наряд потом выпишем.

Вася Малыков и Миша Асон орудуют топором и кувайдом, рубят стальные бочки, заполненные битумом. Работа тяжела, малопривлекательна.

— И кто что додумался заливать бетоном? — удивляется комсомолец. — Не рукоятками, а башмаками ботинками приводят.

— И боксу же лежат... — говорит Миша. Ми же ее на куски рубим, надо саженцами подсыпать, чтобы они в башмаках упаковке брали, лежевали.

Эти ребята — настоящие хозяева стройки, они жалуют свое время, затраченное впустую, и государственные руку, и рабочую руку, и свою спальню. Но же те сбывшиеся не звонят, в какой узлы битум дневелев? Прекрасно знают, но берут они, что им дают. Лишили бы да мали. Говорят сейчас не только о битуме.

Еще в Благовещенске учились я и о трудностях со сближением на этой крупнейшей стройке БАМа. В мае этого года, впервые в истории строительства, комсомолка Виктора Сыроватки быстро возвела полной экипажа и снаряжения на башню.

Я же в Шимановска, выручайтесь, строители простираетесь, а я нигде не могу найти бетонометрического узла. Панели задевают надо, без этой мелочи и объект не сдашь. Хотя бы то, что я знаю.

У нас нет стройматериалов, не выделены нам такие фонды. И я, конечно, не могу сидеть на месте, пока не буду знать, каким образом возвести башню. Виктор Сыроватка, — выкрикнул, потянувшись к телефону, а шимановский сближенец устало отгинулся на спинку стула, вздохнул:

НЕ ВОЮЮТ

ВОЮЮТ

— Большому делу всегда мелочи мешают.

Можно ли назвать мелочью хронические перебои в снабжении ударной стройки материалами и естественными при таком положении простон альбомов, машин и механизмов? Я присутствовал на планерке в салоне из субсидированных организаций, спонсируемой поездом строительно-монтажным поездом ГОРЕМ-76, ведущим сантехнические и электротехнические работы на комплексе. Мастера и прорабы мучились над одним вопросом: как занять людей? Директор довелось мне видеть как «выдумывают» работу.

Наверное, сантехникам «всегда» было другое. Были укладываемые вагонетки, как от проектировщиков приходит уведомление об изменениях, только подготовлены паспорта для водопровода, как поступило требование заменить трубы диаметром 219 миллиметром на трубы диаметром 213 миллиметра.

Проектировщикам тоже понятно: «привезите» новые заявки, укажите потребность всего пускаемого в воду и тепло, учитывая эти изменения, конечно же, необходимо. Но каково строителям: удачно только что сделанное, резьбы, что называется, «по живому»?

— Но только руки — душа боит, — показывал бригадир Борис Алексеевич Анисов. — Тогда же к жаркому альбометру, можду прочими, нужно заканчивать слова и слова жалеть. И по- прежнему «выдумывать» работу, чтобы сохранить опытный коллектив. И по- прежнему терпеть дорожные времена.

Если бы нам поезд был полностью обеспечен трубами — говорил начальник УВДРЭМ-76 инженер-сантехник Савченко — то к четырем часам вечера мы со всеми бы выпустили на посыпке годовую или наружных работ, а так...

А как строители вынуждены вести земляные работы в самых невыгодных условиях, когда даже роторные экскаваторы захватываются из бессылок, когда приходится отрывать машины от машины, когда не хватает места для стоянки? Да в качестве стоянок не просто при дурном морозе покрыть трубы изолией, навести антикоррозийный слой и теплоизоляцию?

Бригада сантехников укладывала в трещине канализационные трубы («выдумывая» работу), Савченко удались согласовать с заказчиком замену чугунных труб, которых никак не могли дождаться строители, асbestos-цементные же изолировали изолятом с длинными перевязками и подшивками вспомогательными с прыжками стройками.

А чего торопиться? — удивился рыжебородый парень и лениво сплюнул окуньков падиросы в трещине... — Может, завтра и эти трубы вытащи- будут.

— Хуже нету этого места: то кла- ди, то выти, — проворчал другой.

«Сифон труда» никогда в поезде не был, бесполезная работа никогда в радость не будет.

И кто сможет опровергнуть слова рожека сантехника? Только окончательный проект. Но строители еще не получали все необходимые документации, а также не «привезли» первые заявки, которые будут вырабатывать составляющие для объемного бюджета. Уже ясно, что и проект рабочего поселка, население которого составит около пятнадцати тысяч человек, страдает многими недостатками: здесь в частности, не предусмотрено строительство библиотеки, Дома культуры или кинотеатра, спортивного комплекса, учреждений службы быта...

С трудом вытащив сапоги из грязи, мы обходим горы размытой почвой земли, окружающие уже

спланированные площадки будущих заводов.

— На сейчас нужен бетон и еще раз бетон, — сказал начальник ГОРЕМ Александр Шрайбер. — Необходимо как можно скорее закончить нулевой цикл, обеспечить большой фронт работ и перейти в настоящие.

На стройке в ходе весенних термических, может быть, потому что строительство и есть битва за будущее.

Местный поэт, бетонщик Александра Астафьева сравнил укладку бетона со штыковой атакой. Большинство имевшихся рабочих ГОРЕМ рождались после войны, но они хорошо знают историю своей организации.

Дважды первый головной ремонтно-восстановительный поезд сформировался на втором дне Великой Отечественной войны. Видимо, разрушенные мосты и дороги вслед за отступающими Красной Армией были построены заново и на месте, где пришла пора наступать, когда нужно было восстанавливать изувеченные земли, и вновь прикладывать линии связи. Это он прояснился через герб Ладожского озера — гербом Дороги жизни. Бетонщики ГОРЕМ не было, а им доверили построить не цех, не завод, а заводы, а заводы, а заводы...

Первый из них вскоре должен дать продвижение.

— Мы надеемся оставить сквозь автографы на первом железнобетонной конструкции, которая уйдет от сюда на БАМ, — залпы ми Ген Гаврилов. — Об этом, правда, мечтают и бригады минчан, калужан, тульяков, но мы постараемся доказать свою право быть первыми.

— Конечно, — добавил бригадир Шатунов. — Пусть на тяжелые работы обеспечат как следует.

Наверное, нельзя было лучше выбрать место для Шимановского комплекса — рядом крупные месторождения инертных материалов и большая железнодорожная станция. Да и строить комплекс начали вскоре, чтобы не дать пропадать имеющимся в тот момент, когда он будет наверняка занят БАМом. То есть стратегия,渟альная, выверенная, которой можно только радоваться. Что же касается тактики, то есть обеспечение стройки материалами и механизмами и самой организации работ на строительной площадке, то здесь еще много просчетов.

— Трудности роста... — устало сказал Кайгородов.

Эти же слова привычно повторил Шрайбер. Но можно ли только пресловутыми «временными» трудностями объяснять перебои в работе? Нужно то есть у大师ии строителей, которые комиляются, у гигантской — ГОРЕМ-21, привадлежащих одному министерству, решавших одну и ту же задачу, вдруг оказались различными конкретные планы работ. У заказчика план ввода основных фондов в этом году составляет около пяти лет, а у строителей — всего нет. Но в этой же когортности опасности. У гигантской машины вообще нет. Но в этой же когортности опасности.

Строители не зря считают нулевой цикл поломкой дела.

Шимановский комплекс в будущем году выйдет на финишную прямую, и от его сегдающихся темпов развития прямо зависит затраты времени на работы на крупнейшей стройке страны.

Строители не зря считают нулевой цикл поломкой дела.

Шимановский комплекс в будущем году выйдет на финишную прямую, и от его сегдающихся темпов развития прямо зависит затраты времени на работы на крупнейшей стройке страны.

Альберт КРАВЦОВ

Привал

И снова стелется поземка, дурной мороз под пыльцей, творят снеговая кромка, похоже, нет пути назад.

Пора привалу и ночлегу, кострю дымок из веток сушкия. Теперь добить кирличики снегу и чай кидать, вздрогнув слегка.

Потом со спиртом вперемежку пить ароматный кипяток и дважды шашматную пешку в ферзи, пока готовят ко.

Весь день, всю ночь бележей тундрой идти на цель, лишь в этом смысле.

И ночью черной, ночью трудной танки единственную мысль:

дойти, не быть друзьям примером, любить их так же, как себя.

Быть в жизни пусть не самым первым, но быть собой — лишь в том судьба.

Ну, а пока кружит поземка, дурной мороз под пыльцей.

Все творят снеговая кромка, похоже, нет пути назад.

С полярною ночью одни на один... Плотина и плотиной пелена снеговая, ищу огонек твой, метель раздвигая, так лампу в потемках искал Алладин.

В метельном поселе — снега в глубоких следах — пустыня-поздемка. Курится молочная белая кромка, до крыши поднимая сугробы-стога.

С работы пришла ты, и завтра с утра будильник рассыпается вспышки звоном.

Ищу огонек твой в окне замятном, ищу огонек твой, но, видимо, зря.

Так жаждут наутрой человека в себе... Ищу огонек твой на зыбкой планете, где счастья хотят, где рождаются дети, жарин-огоньки в человечьей судьбе.

Сегодня мой путь недалекий — далек, с Хантайской ГЭС оказалась без света.

Мороз, и пурга, и авария где-то...

Ищу огонек твой, ищу огонек.

Заботы, страсти и дела, все то же, все неповторимо. «Ты юношество моя была, которая проходит мимо...»

Такиеевые слова да и меня вам повторяли и ее повторявшим спара... И несчастливые Едва ли!

Все радостный мне, все грустный у радостной во власти. И все прекрасней, все острей потерянного чувство счастья.

Рондо

Прохожу липами пропах, в ми празднично, неповторимо. Здесь у моих на устах любимой медленное мяя.

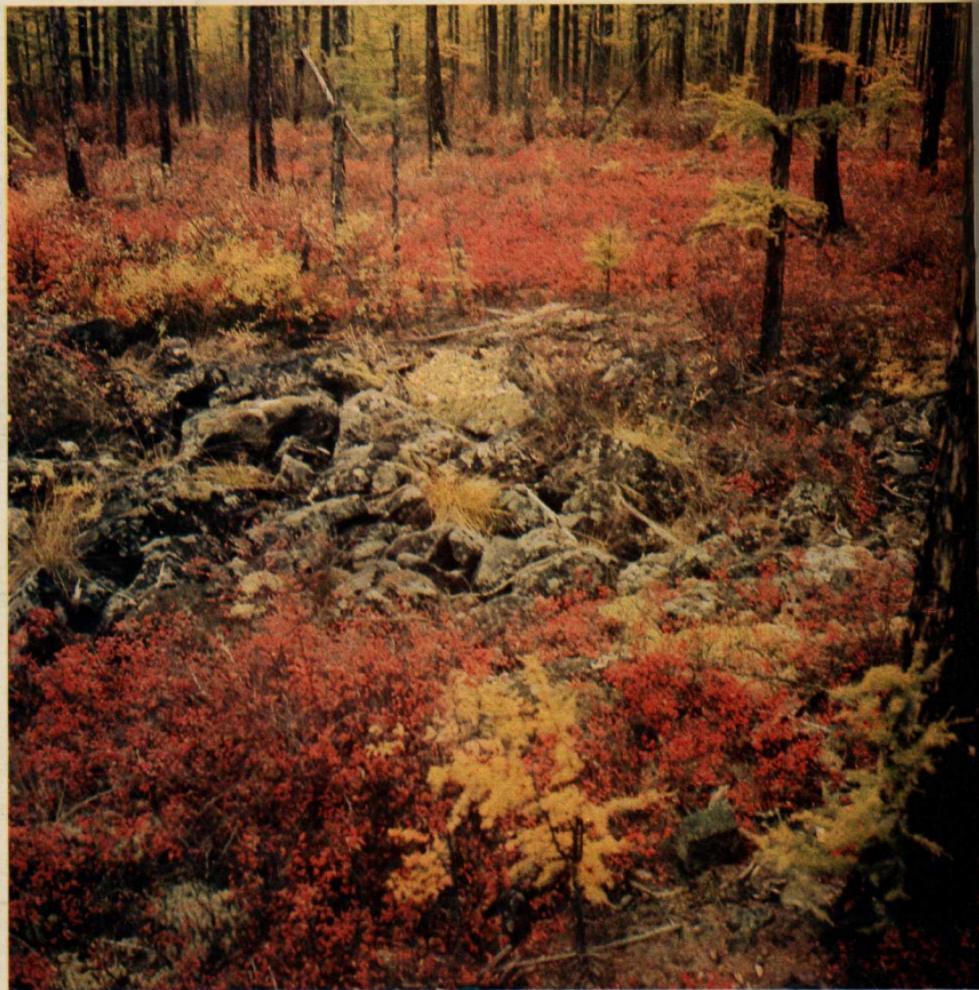
Прохожу липами пропах, в ми на полном электрощесмень цветы мерцают в проводах, что искры тайного блесчания.

Прохожу липами пропах. Любимого, тебе не спикся! Ты слушаешь звучные плахи, попускнеши в ночи ресницы.

Прохожу липами пропах, я чувствую и расстойки — ты ощущаешь скользкий страх от невозможности сиденья.

Рисунки Владимира СУХУМОВА

Бечная мерзлота — это звучит даже несколько торжественно. Тем более что за этими словами обычно следует рассказ о том, как люди одержали очередную победу над природой. Но как известно, это ложь... И сегодня строители Байкало-Амурской магистрали уже вступили в сражение с вечной мерзлотой, которая на протяжении тысячелетий словно бы сознательно готовилась к этой битве, создавая сложнейшие оборонительные сооружения, уходящие на десятки, а то и на сотни метров в глубь земли.

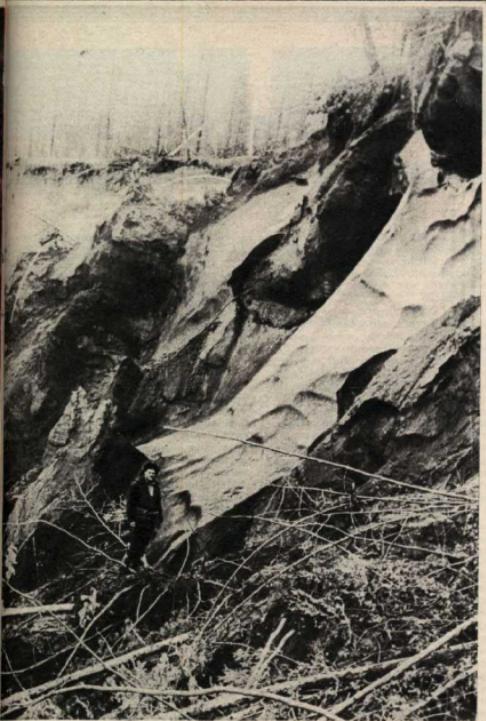
Значительная часть БАМа пройдет по горной стране с вершинами сыш-

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

НАУКА: ГЕОЛОГИЯ

Б. Н. ДОСТОВАЛОВ,
профессор, доктор
геолого-минералогических наук

ТАК ПОДЗЕМНЫЙ ЛЕД ВЫХОДИТ К ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ.

ше 2 тысячи метров и изрезанной многочисленными речными долинами.

Климат Северного Забайкалья суров. Зимний холод в течение долгих месяцев сковывает и стягивает почву, а летом раскаленное солнце с исключительной упористостью пытается ее отогреть. Так интенсивно протекают здесь сезонные оледенения-нагревания, промерзания и проптавание. Комбинируясь с напряженностью в породах, все это становится причиной разнообразных и сложных мерзлотно-геологических процессов, таких, как увеличение объема рыхлого влажного грунта при промерзании или его оттаивании, образование и проптавание различных видов подземных льдов.

Подземные льды могут представлять собой мелкие кристаллы, cementирующие рыхлую мерзлую породу в качестве пороидообразующего минерала. Но часто, вступая в контакт с водой, они растворяются, тем самым способствуя развитию различных мерзлотных процессов, появляются и усиливается ледяные, криогенные текстуры грунтов, наблюдаются крупные жилы, пластики подземных льдов.

Мерзлотно-геологические процессы, являющиеся наиболее характерными для Сибири, достигают наиболее грандиозного размера и разнообразия на крайнем северо-востоке СССР, однако многие районы, через которые пройдет БАМ, в этом отношении не уступают Крайнему Северу.

Некоторые из наиболее характерных мерзлотно-геологических явлений представлены на приведенных здесь фотографиях.

На одной из них показано обнажение древних полигональных подземных жильных льдов.

Подземные жильные льды образуются на основе полигональных систем взаимно перепендикулярных трещин. Трещины возникают ежегодно и центрируются льдом. Глубина трещин может доходить до 5 миллиметров. Таким образом, в трещинах образуются элементарные жилья. Повторное накапливание элементарных жилок представляет процесс роста гигантских вертикальных жил, идущий в поймах одновременно с накапливанием осадков. Поэтому такие жильные льды называются полигонально-жильными. Они состоят из двух систем параллельных и взаимно перпендикулярных жил, представляющих собой систему полигонов, преимущественно четырехугольников. Если разрезать поверхность земли вдоль такой жилы, последние покажется огромной ледяной стеной. После оттавивания этого «столба» вода тонкой пленкой покрывает его поверхность.

Явным признаком заляганания жильных льдов на поверхности земли является полигонально-взлюпанный минирельеф. Системы древних реликтовых подземных жильных льдов часто перекрыты слоем отложений и растительного покрова. На фотографии можно видеть древние льды покрытыми слоем почвы и лесом. Там, где почва столь ненько обнажается с поверхности, при прогтавивании подземных жильных льдов наблюдаются неравномерные просадки поверхности грунтов разнообразных форм и размеров. Их разнообразие зависит от геотектонических типов подземного льда и его сокращения в объеме мерзлой породы.

Глубина просадок изменяется от десятков сантиметров до 20–30 метров. То есть прогтавивание подзем-

ных льдов, или «термокарста», создает формы как микрорельефа, так и мерзлорельфа. Эти понятия обычно заполняются водой и образуют системы термокарстовых озер. Следовательно, развитие значительных масс подземных льдов и вообще увеличение ледистости мерзлых грунтов снижает устойчивость и очень затрудняет строительство на таких участках.

Путешественник, пролетающий летом над южными районами Забайкалья, может довольно часто заметить в долинах рек белые пятна или пяди поля под плащадью до нескользящей поверхности льда. Это ледяные наледи. Наледи возникают при прогтавивании подземных и речных вод на поверхности льда промерзающей до дна реки и на проптавляемую поверхность поймы. Растекающиеся воды быстро промерзают. Часто наледи образуются источниками подмерзлотных вод. При достаточно большой мощности льда такие наледи не успевают растаять летом. Они становятся многослойными, частично проптавающими летом и увеличивающимися зимой.

Наледи оказываются замечательным альбомом на борту речных долин. Их возможные разрушивающие и деформирующие воздействия должны учиться при строительстве БАМа. Наледи забывают о своих источниках строительства и эксплуатации БАМа фактурах, как общее пучение промерзающих грунтов, их морозные [криогенные] деформации при промерзании так называемых закрытых систем или изолированных объемов грунта и образование бугров, гор и холмов.

В начале зимы массивы талью влажных пластичных глиннистых пород, заливающие поверхность мерзлой толщи, промерзают сверху и с боков и оказываются как бы в жестком прочном сосуде, образуя закрытую систему. При дальнейшем промерзании талой пластичной серединки такой закрытый сосуд обрывается, растет, давленный, пышащий всплесками и пластичный грунт деформируется и передвигается в сторону наменившего сопротивления. Если закрытые объемы пород велики, то могут передвигаться значительные массы пластичных грунтов и воды. При этом возникают так называемые ионико-вязкие бугры пучения, доскающие в северных районах вышего до тридцати метров. У нас такие бугры называются и якунским словом «булгуняхи», а в Канаде — «клипин».

Для полного понимания взаимодействия мерзлых грунтов с сооружениями на БАМе необходимо знать весь комплекс термодинамических и геомеханических условий возникновения и развития мерзлых пород. Если комплекс этих условий изучен, то возможны рациональные проектирование и строительство дорог, а также прогноз изменения этого комплекса условий в результате строительства. Все это дает возможность предвидеть улучшение условий эксплуатации дороги.

В настоящее время основные закономерности развития мерзлых пород достаточно хорошо изучены. Разработана методика прогнозирования гидротермических, гидрогеологических и мерзлотных условий, которые необходимо учитывать при проектировании, постройке и эксплуатации железных дорог на вечной мерзлоте. Мерзлотные исследования включены в комплекс работ по строительству и эксплуатации БАМа.

ПОГЛЯДИМ

Круглый стол «Смены»

«Что даст БАМ? Что мы дадим БАМу?» — вот два вопроса, с которыми редакция «Смены» обращалась к строителям и гостям на «Круглом столе». Сразу говорим: соглашение было злочинным — ни в Москве, ни в Хабаровске, ни в Звездной, ни в Тындинском эти люди никогда не собирались за одним столом. Их объединила общая страсть занятиесованность в судьбе Байкало-Амурской магистрали. В звонком созвучии пропали уча-

И. РОМАНОВ,
первый заместитель председателя исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся;

А. ШУЛЬГА,
секретарь ЦК Комсомольского-на-Амуре горкома КПСС;

В. ПЛАТОВ,
заместитель начальника технического отдела завода «Бам» (Амурск);

Г. ДМИТРИЕВ,
секретарь Тындинского горно-обогатительного комбината (пос. Солнечный, Хабаровский край);

В. БОРОВЕЦ,
секретарь Комсомольского-на-Амуре горсовета КПСС;

Д. ДЗЕХ,
народный депутат Февральского сельского поселения Амурской области;

В. УДОВЕНКО,
председатель Февральского сельсовета;

Е. МОЛЧАНОВ,
начальник станции Бам (Забайкальская железная дорога);

В. ЛИСИЙ,
заместитель главного геолога Иркутского геологического управления;

Д. КОФМАН,
директор Читинского филиала института «Гидропроект»;

Г. ТРУБАНЕВ,
секретарь Усть-Кутского горнома ВЛКСМ (Иркутская область);

Ф. ШЕВЧЕНКО,
начальник отряда по применению заменяющих народных хозяйств Дальневосточного управления градманско-авиации;

А. ФАДЕЕВ,
секретарь Верхнеудинского района — член Совета народных депутатов КПСС, начальник районного штаба по строительству БАМа (пос. Чегдар-Ханский, Иркутский край);

А. СУХОВЕЙ,
председатель постройкой управления «БАМстroiпуть»;

Ф. БЫБИН,
старший научный сотрудник Института геологии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР (Читинский лаборатория);

Л. КУДЕМАН,
околошкольниковский (пос. Февральский, Амурская область);

М. ЛЕМЕШЮН,
летчик-испытатель Дальнинского авиазавода (Слюдянка, бородинский, Хабаровский край);

О. ПЛАВОВ,
заместитель директора Института земельных наук Сибирского отделения АН СССР;

В. СКАЛОНОВ,
доктор биологических наук, профессор Иркутского сельскохозяйственного института.

Вот что они ответили на вопросы наших специальных корреспондентов.

СТРОЙКА ВЕКА: ОБЕЩАЕТ

И. РОМАНОВ. Страна получит второй выход к Тихому океану, и один только этот факт трудно переоценить. Появится доступ и богатствам края, озера, ущелья, реками, местами для серебристых зеркал. Их разработка и эксплуатация послужат мощным толчком к развитию новых отраслей промышленности и оживлению существующих.

На станции Известковая намечено создать авторемонтный завод. Хабаровский щебеночный комбинат, как многие годы на Крайнем востоке, будет усиливать связь с центром. Недо сказать, природе будто нарочно позабылась о строительных материалах для БАМа. На территории края геологии обнаружили запасы кирпичной глины, строительного камня, песка, известняков, подделочного камня. Вдоль дороги возникнут новые города и поселки, расширятся площади сельскохозяйственных угодий.

СЛАРВАКА. При дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства создан первый совет по развитию сельскохозяйственного производства в зоне стояния ученых из БАМа, из самых различных районов Хабаровского края — Верхнеудинскому, Комсомольскому и иным. Помимо сельскохозяйственных генетиков, пригодных для пахоты, и 1,5 миллиона гектаров требуют нормального снабжения водой, опять-таки, богатые природными сезонными источниками. В этой зоне могут вы绝望еть ячмень, овес, рожь, яровая пшеница, с яхом овощи. Огромные земельные массивы дают возможность наладить производство сахара, масел, муки, мяса и животноводства. На этой газенной зоне, расположенной в районах вечнозеленых лесов, возможны сажовые.

Г. ДМИТРИЕВ. На начало нового года в городе начнется сооружение крупного центра по строительству строительных материалов. Готовится к работе ре-конструкция нефтеперерабатывающей завод. Ему доступа сейчас лиза нефть Сахалина. БАМ сможет завод с томенской нефтью.

В. ПЛАТОВ. Топливо для нашего завода — «Амурксталь» — мы возьмем пока из Пекина. Махачкалинский завод, выпускающий насосы и перерабатывающего запаса хода нас не удовлетворяет. Но как только наш НПЗ получит томенскую нефть и увеличит свои мощности мы сможем отдать ее даже поставщикам. Строительство магистрали позволит значительно расширить производство и нашему заводу. Мы через Амур на Дальнем востоке хотим с таможенниками металломагистрали. Каждая из них осенью и весной ежегодно прерывается на два-три месяца в зависимости от состояния реки. Мост снимет эту проблему.

Г. ДМИТРИЕВ. Солнечном строительстве мы будем взорвать пару очертаний которого аттестуем в среде в начале следующей пятилетки. Это будет один из крупнейших заводов в стране. Мощности нашего комбината, естественно, резко возрастут, и автомобильной дорогой мы уже не обойдемся. Вот почему решение о строительстве Байкало-Амурской ма-

гистралю встречено на нашем комбинате с особым интересом: комбинат получит выход к железной дороге, и транспортная проблема, которая является для нас «узким местом», будет решена.

БАМ окажет влияние и на развитие самого Солнечного. Его население увеличится почти в десять раз. В тайге, в живописнейшем месте, ленинградские архитекторы спроектируют современный город.

И. РОМАНОВ. БАМ имеет замечательный приток населения в наш края. Народ поедет смелый, предприимчивый, образованный. Вырастет общий уровень образования и культуры. Новая культура придет и на север края, в самые отдаленные якутские, эвенкийские селения. Да что говорить только о культуре — народ живой придет в эти края.

Л. БОРОВЕЦ. Не хотелось, чтобы БАМ стал еще одной точкой, огибаемой ходом разговора. Но поймите меня правильно: мне кажется, что у каждого города и поселка свой БАМ, свой работой. И не всегда для нее требуется бить просеку или укладывать путь. Это может быть работа в новой столице или на швейной фабрике, которая занимает землю под рабочими. Образование — это все что понимают. К нам из разных городов, даже из очень далеких, приезжают ребята с горящими глазами: «Согласись на любую работу на БАМе!». «Пожалуйста, на нефтеперерабатывающие! Он будет расширяться, там нужны люди, это престижно, это БАМ». Но, какую Зодиака в сапогах, БАМ не умеет прятаться легкой промышленностью — всегда не хватает рабочих. Но промышленность — народ упрямый. Или промышленная, или обратная дорога в пять тысяч километров. И уезжают люди, которые там нужны.

СЛАРВАКА. В Комсомольском-на-Амуре и Усть-Куте, в Тындинском и Звездном надеялись со всеми новостями писать. Наши письма — это языки, «БАМ, начальнику», — внутри конверта просят: «Прикрепите на рабочую». Любую рабочую. И в БАМе есть рабочие, которые строят свою вену. Энтузиазм молодых людей, готовых ко всем трудностям, к тем же, которые не предвидят. Но стройный нуминус не просто рабочими, а работниками высокой квалификации, не просто рабочими, а работниками высокой квалификации, но именем с теми специальностями, которых нет ни на БАМе, ни в БАМе. И, конечно, БАМ сумеет нужно столько людей, сколько требуется дело. С наименьшим количеством рабочих, которые потребуется все больше молодых строителей. Но сегодня, многим придется погибнуть на БАМе, ибо это должно быть бездеятельными: в большой, настоящей работе надо готовиться к зарубежью.

Ряд писем похожему содержанию получили и журналы «Смена», «Дружба». В письмах из города Приморьевска, Кемеровской области, обращались к строителям БАМа: «Скажите, пожалуйста, когда помаденное, подпокоренное нас! Да вам честное слово, мы очень хотим помаденное, помаденное...» Учителя Докторовой из Томска своих представителей на БАМ: «Мы хотим, чтобы вы сказали, что там работают. Там никогда не умоляются смех, веселье, шутка. Да на БАМе это прежде всего работа, и готовить себя надо к работе. Прав, секретарь Ком-

сомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ Л. Воробьев: работы над БАМом там, где это нужно всего, «наши горячо пишут Татьяна Малахова из Воркуты, Наташа Тимофеева из Мончегорска, на БАМ мотивируя это тем, что на Севере тоже нужны люди». Начиная с 1975 года со строительства БАМа будущие работники будут учиться в школах, в летних лагерях, в летних таборах. Но каждый может помочь БАМУ отличной работой на своем рабочем месте.

А. ДЗЕХ. Когда прочитал о газете, что нужен всего, «наши горячо пишут», и тут Дуня, прав, оказывается! Жена хочет головой, смеется: «Ну, ты прав, ты. Победи...»

А дело вот в чем. Село наши было большое, и хозяйство солидное: шуга-ля, снабжали молоком, мясом, кастрюльками и овощами присыпали на первые рабочие годы тысячи рабочих. Ну, и теперь одна из самых горячих тем — Тайга, река, сенокос — все рядом. И так, как не грех, пошло, поехало. Земучила нас Следимская. Что ни год — наяводнивание.

В. УДОВЕНКО. С 1975 года почему-то перестали чистить ее руслу. С тех пор и начались наводнения...
А. ДЗЕХ. Ага, Гоголь говорит: «Да еще не видели предела год, а бывает, и другой, а там, глядишь, и на старого поддается». Десять лет — Дескать, гильбо dello — против руки устоят.

Народ уходит, рабочих рук все меньше, хозяйство наши идет в упадок. А дальше...

Г. ДМИТРИЕВ. Половина подходит в четыре разаござрилась... С тех пор и началась наводнения...
А. ДЗЕХ. Ну да, вот Дуня моя, глаза на соседей, говорит: «Давай передадим». Что мы тут, прязваные, что ли?.. Легко сказать. Тридцать два года не хватает рабочих. Но промышленность — народ упрямый. Или промышленная, или обратная дорога в пять тысяч километров. И уезжают люди, которые там нужны.

СЛАРВАКА. В Комсомольском-на-Амуре и Усть-Куте, в Тындинском и Звездном надеялись со всеми новостями писать. Наши письма — это языки, «БАМ, начальнику», — внутри конверта просят: «Прикрепите на рабочую». Любую рабочую. И в БАМе есть рабочие, которые строят свою вену. Энтузиазм молодых людей, готовых ко всем трудностям, к тем же, которые не предвидят. Но стройный нуминус не просто рабочими, а работниками высокой квалификации, но именем с теми специальностями, которых нет ни на БАМе, ни в БАМе. И, конечно, БАМ сумеет нужно столько людей, сколько требуется дело. С наименьшим количеством рабочих, которые потребуется все больше молодых строителей. Но сегодня, многим придется погибнуть на БАМе, ибо это должно быть бездеятельными: в большой, настоящей работе надо готовиться к зарубежью.

Л. БОРОВЕЦ. Трудно сказать. Тридцать два года не хватает рабочих. Но промышленность — народ упрямый. Или промышленная, или обратная дорога в пять тысяч километров. И уезжают люди, которые там нужны.

Е. МОЛЧАНОВ. В сентябре (голова, наше — 20 сентябрь) в БАМе на сороковых рабочих соревнованиях БАМа и его ветеранов состоялся скорый поезд «Россия». Тренер он останавливается здесь — в этом самом городе, а с ним еще 14 пассажирских поездов. О чём это говорит? О том, что станция Бам, возникшая в 1936 году, маленькая станция — теплая огромной магистрали, станет жемчужиной на широком океане. Объем перевозок за короткое время увел-

ичился в шесть раз — это грузы для магистрали. Возросла протяженность подъездных путей. В поездах начали строительные капитальные домов. Начемено сооружение кирпичного завода.

В. ЛИСИЙ. При обсуждении перспектив разработки того или иного

НА ЛОРОГУ

месторождения всегда вставал вопрос: как будем вывозить сырье? На севере Иркутской области открыты и разработаны тысячи рабочих, иных 2 тысячи ум. в 1978 году Министерство высшего и среднего специального образования направит в 1978—1980 годы на тренинг в БАМа около 4 800 молодых специалистов.

В. ТРУБЧАЕВ. Заказы и грузы, прибывающие на БАМ, взяты под комсомольский контроль. Особленно надо отметить молодых портвояков и речников. Одно из десяти тысяч тонн грузов на них будет доставлять по большинству поселков Магистральной, чтобы строители могли заготовлять к зиме. И с этой задачей комсомольцы справились. Почти все грузы додали по Магистральному по воде. Тысячи рублей сэкономили портвояки и речники государства, сумев использовать паводок.

Ф. ШЕВЧЕНКО. Вот радиограмма из Февральского (это одна тысяча километров от БАМА) рабочий № 31429 вышел из строя, ролеты штуцера супрессора РПД. Срывается переброска лагеря, забрасывает партию горючего. В тот же день, несмотря на неблагоприятную погоду, самолет доставил специемщикам нужные детали. А рано утром, как только рассеялся туман, вертолет привез запасные части. Всего за полчаса и несколько часов отремонтированный Ми-12 поднялся в воздух, помогая изыскателям Мостотранса перевозить на новое место. Он доставил в самые глухие места продовольствие, горючее, все самое необходимое для людей, работающих в тяжелых условиях.

Дальневосточное управление гражданской авиации старается сделать все возможное, чтобы изыскатели и строители, работающие на Байкальско-Амурской магистрали, получили от нас, авикаторов, современную и эффективную помощь.

СЛАВКА. В Дальневосточном управлении гражданской авиации созданы пункты, которые для обслугивания связаны с учеными.

И. РОМАНОВ. Главная наша задача — закрепление кадров. Не зевают, а уже сейчас мы обязаны думать о том, кто придет в наш края через год, через пять лет, через десять. БАМ — это своего рода знак качества, базу бурных споров проходит сейчас — обсуждение проблем, будущего поселков, ониолжны быть не только удобными, но и красивыми, для того чтобы требует сегодняшний день. Для БАМА, для устойчивого снабжения энергией восточного участка, готовят линии передач. В Бийском городке на крышах самых самых первых построек вспыхнули температурные огни обязательства, связанные. Управления торговли и общественного питания внедрят прогрессивные формы обслуживания. Лучшие выпускники институтов, техникумов, профтехучилищ будут работать на БАМе и для БАМА.

СЛАВКА. Основные задачи для строительства БАМА будут готовить профтехучилища. К 1978 году они подготовят 1200 специалистов, из которых 1000 — из отечественных, а 200 — из зарубежных стран. Управление торговли и общественного питания внедрят прогрессивные формы обслуживания. Лучшие выпускники институтов, техникумов, профтехучилищ будут работать на БАМе и для БАМА.

Ф. ШЕВЧЕНКО. На магистраль были направлены молодежные экипажи из Хабаровска, Благовещенска, Владивостока, Николаевска-на-Амуре — по комсомольским путевкам. Отбирали людей с высокой летней подготовкой, оценивали экипажи по моральным, деловым качествам. Знали, что работать им придется в сложных условиях — от берега до берега, в болотах, в тайге и на речных косах. Мы не ошиблись, тщательно подбирали экипажи. Правда, работают на БАМе командиры, К. Кожицкий, Бортмяник; К. Жицкий, Борттехник В. Веретенников. Они и товарищи наше сорок часов, перевезли тысячу тонн грузов.

А. ФАДЕЕВ. Ураган станет одним из опорных пунктов стройки. Сейчас готовимся к приему строителей. Бурный архангельский синоптики, расширям хлебозавод, планируем реконструкцию колхозного. Открываем новые отделения связи, кинопредвики, комплектуем передвижные библиотеки. Стараемся предусмотреть все — чтобы и строителям, и геологам, и изыскателям жилось «как дома».

А. СУХОВЕЙ. Мы, строители, народ кочевой, для нас любая стройка — дом. Но всегда ли он хорошо? Редко не попадаются подвойки к нашему книжному магазину, который не имеет книг. Формально-то они есть, но их можно смело сдавать в макулатуру. А в первые дни работы магазин народу здесь толпился побольше, чем в продовольственном или промтоварном. Когда была надежда купить что-нибудь хорошее. Я сильнее даже воевала за товаром, от которого хотели пограбить, от которого хотели утащить, от которого убежался, а за предметами культуры! С одной стороны, это действительно так. А с другой, очереди — это проявление огромной, остшейся проблемы — дефицита хороших книг. Это просто болезненное состояние.

В какой-то мере помочь строителям в этом призвана книга, стоявшая на прилавке библиотеки, — книга «Юности». Но, несмотря на то, что книги на полках библиотек стоят много, удовлетворить спрос читателей книг не ведут.

Как только было принято решение о ее создании, мы перевели 5 тысяч рублей в адрес московского магазина «Книжный вагон», который видел, что столичка книжного, библиотека, стоящая при нашем клубе «Юности». Но, несмотря на то, что книги на полках библиотек стоят много, удовлетворить спрос читателей она не в состоянии.

Как только было принято решение о ее создании, мы перевели 5 тысяч рублей в адрес московского магазина «Книжный вагон», который видел, что столичка книжного, библиотека, стоящая при нашем клубе «Юности». Но, несмотря на то, что книги на полках библиотек стоят много, удовлетворить спрос читателей она не в состоянии. И вот, на фоне этих событий, когда начнется стройка, уйдут в глубь тайги, они шума не любят. Но если лес пускнуть, и птицы улетят, и сохатый уйдет, и ягода съестся.

И. ЛЕМШИЦОН. Моя книжная зерка может показаться очень узкой, это зеркало человека, который много лет занимается наблюдением за покаральми и их тушением. Каждому ясно, что, страшася дорог — это новые открытые богатства, новая жизнь. Но это и... новые помары. В нашем крае предуют люди на строительство аэропортов, мостов, гидроузлов, в девственных местах зарастают механизмы. Иногда одной искры достаточно, чтобы загорелся сухой мох. Для новых людей тайга не первых покор будет просто склонением деревьев. Они не сразу узнают, как медленно врастает в наших местах мак, пурпур, то там дерево.

Эти люди нужно заранее оторвать. Здесь требуется планомерная разъяснительная работа. И вторая сторона вопроса: заранее нужен подумать об оснащенности по-жарным дружин.

О. ПАВЛОВ. Строительство этой магистрали по праву считается беспрецедентным, не только потому, что БАМА — это система, будет лежать на венце морской. Учебные магистраты из Байкала и Тунгуса, находящиеся в зоне высокой сейсмичности, Во все каталоги мира вошла Мусковское землетрясение 1957 года, как одно из сильнейших в века. В 1959 году в районе Байкала разразился девятибалльное землетрясение, в эпицентре которого произошло смещение

о себе — видно, хотели, пользуясь ударным слuchem, очистить завалы на складах.

В адрес БАМА приходят посыпки с книгами, их шлют люди, нам совершенно незнакомые. Они хотят быть хотя бы членом поэзии стройке века. Досадно, что такого чувства не испытывают работники стационарного магазина, для которых забота о читателе — прямая обязанность.

СТАВИТ ПРОБЛЕМЫ

Ф. БЫЧЕНКО. Не следует забывать о различных проблемах, которые из-за неизвестности становят сама стройка и эксплуатация дороги в будущем. Леса севера Читинской области отнесены к третьей группе. Это значит, что там разрешены любые рубки. И стройке и строителям будет нужен лес. А кпорится, что строителям будут сообщать о том, что какие леса разрешены к рубке, каковы изъятия? Известно, что вдоль трассы наменено открыть десятки новых леспромхозов. Не является ли эта цифра чрезмерной? Представляется необходимым рассмотреть вопрос о переводе хотя бы части лесов вдоль трассы во вторую группу, где рубки разрешены только в размере гектара, прироста.

Л. КУДИЛЕВ. Что верно, то верно. Дорога — дело хорошее. Только как это сделать, чтобы с такой по-аккуратнее обходились? Собол, белка, медведь, когда начнется стройка, уйдут в глубь тайги, они шума не любят. Но если лес пускнуть, и птицы улетят, и сохатый уйдет, и ягода съестся.

И. ЛЕМШИЦОН. Моя книжная зерка может показаться очень узкой, это зеркало человека, который много лет занимается наблюдением за покаральми и их тушением. Каждому ясно, что, страшася дорог — это новые открытые богатства, новая жизнь. Но это и... новые помары. В нашем крае предуют люди на строительство аэропортов, мостов, гидроузлов, в девственных местах зарастают механизмы. Иногда одной искры достаточно, чтобы загорелся сухой мох. Для новых людей тайга не первых покор будет просто склонением деревьев. Они не сразу узнают, как медленно врастает в наших местах мак, пурпур, то там дерево.

Эти люди нужно заранее оторвать. Здесь требуется планомерная разъяснительная работа. И вторая сторона вопроса: заранее нужен подумать об оснащенности по-жарным дружин.

дна не 15 метров. По всей вероятности, подобные явления будут повторяться.

Дело осложняется тем, что мерзлота, особенно высокотемпературная, повышает сейсмичность. С большинством речных долин, которые пересекают трассы, связано существование талиников, мест, где мерзлота вытаяла. Талики ведут себя наиболее неизменно. А между тем через долины и борозды судорожно сооружение мостов. И расчеты, при которых проектировщикам придется вести исходя из того, что береговые и рулевые сполы при землетрясениях будут испытывать разное напряжение. Строительство потребует оригинальных инженерных решений, учитывающих каверзный характер района.

Надо сказать, что в прошлом года контракты на строительство были слабыми. Сейчас положение изменилось. По заказу Министерства составлена программа сейсмологических исследований, которую предстоит выполнить в самые скверные сроки.

В. СКАЛОК. Девять десятых земель, прилегающих к трассе строящейся дороги, представляют собой целину, так как почти не подверглись воздействию человека и не вооружены. Это даёт возможность осуществлять эксперименты зимового значения: доказать, что в условиях социализма можно строить, не разрушая внешнюю среду сверх строго необходимого. Это представляется тем более важным, что трасса проходит в районах Севера, где лес восстанавливается крайне медленно. Но когда карарага вырастет за год, на месте ее 30 лет спустя, впереди района БАМа — от силы на полутора сантиметра. Если строительство магистрали не будет проникнуть в идеи охраны природы, то есть все основные ожидания, что на огромных пространствах утвердятся так называемые «биогеографическая пустыни».

До сих пор существует мнение о неисчерпаемости запасов леса Сибири и Дальнего Востока. Эти мысли Лески были выражены без согласия. На тектонических зонах эти запасы истощаются уже в обозримом будущем. По нашему мнению, тайга должна рассматриваться как потенциальная пригородная зона (II группа лесов).

В тайге иногда без особой необходимости гонят бульдозеры, ведроходы, которые сдирают почвой почву вместе с кедровым стволиком. Этот слой (в ледянище шириной), как шубой, прикрывает склону сопок, укрепляет их, сохраняет мерзлоту. Стволы (склон) тоже несут в себе некоторую часть, которая постоянно мчит снежные и дождевые воды. Это грозит дороге поставленными селями и обвалами.

Какой же видится выход? При Главном управлении строительства БАМа необходимо создать отдел охраны природы (он должен иметь свою оперативную базу в Красноярске). Отдел будет подчиняться консультативному совету из авторитетных ученых региона. Всюю поощрение, всякая оценка работы любого строительного подразделения должна устанавливаться не только в зависимости от выполнения плана, но и соблюдения природоохранных мер. С такой же точностью, какими сейчас должны рассматриваться и все проекты строительства.

БАМ — СТРОЙКА ГРАНИЦИОННАЯ, СОВСЕМ БЛИЖНЯЯ БУДУЩЕЙ ДОРОГИ, РАСПРОСТРАНЯЮЩАЯСЯ НА МИЛЛИОН КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ НАД ЗАВОДАМИ И МОСТЫМ, ПОСТОЯННО СТАВИТ СТРОЙКА ВЕКА. РАБОТАЮТ МИНИСТЕРСТВА, ИНСТИТУТЫ, ЗАВОДЫ, ФАБРИКИ, МОСТЫ. НОЧЬЮ ИХ РАЗ ЕЩЕ РАБОТАЮТ ОН ТОЧНО УСПЕХ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАВИСИТ ОТ КАНАДОГО ИЗ НАС БЫМ — НАШИ ОБЩЕЕ ДЕЛО — ОБЩЕЕ СЛОВОТЫ — НАШИ ЗАБОТЫ, ТВОИ И МОИ.

Геннадий НИКОЛАЕВ

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ЭРДЕНИ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Глава шестая, рассказанная Виталием Кругликовым

Раньше, до драмата, сказали бы «нечистых сил», и точка. Теперь это просто не отдаешься. К сожалению, лично я пока не имею какой-нибудь удачной аналогии. Однако скажу свое совершенно идиотского мнения: почему ничего не остается, как провозгласить о налинии у меня еще одного «спутника», кроме всех тех, которые уже известны. Новый «спутник» начался в ту ночь, когда раздался звук. Янис уже хорошо ут тут говорил о «комплексе», могу добавить от себя: у меня было все то же самое и плюс внезапное изменение всех моих прежних принципов. Они словно растворились и испарились в один миг. Для этого был классический: не торопясь поклонялся своему отцу, за этим это сделают твоим плюнинам — даже он не устоял, и, как видите, такие печальные последствия...

Наступала четвертая ночь. После заката, как обычно, с озера поднялся туман, потом размытилось, высмыпало звезды. Мы с Ириной пошли к пеленаторам. Зоя осталась дежурить по лагерю, возле большого Яниса. Старик наклонившийся вороной сидел у костра и глашил чай — кружку за кружкой.

До восхода луны оставалось еще около часа, озеро было небольшое, круглое, как чаша спиртовой арены в Лухниках, и мы с Ириной шаг не торопясь, увереные, что не опоздаем. Я рассказал ей о своих переживаниях. Она равнодушно сказала, что ей тоже все это кажется странным. Меня непримиренно задел ее безразличный тон, но я промолчал.

Мы прибрались сквозь часу, когда я услышал слабый всплеск. Так могла пlesenуться рака, но я знал, что раки в озере нет. Предупредив знаком Ирину, я вышел на берег и, не спеша, прошелся к берегу и стал всматриваться в туман, призрачно колыхавшийся над водой. Увы, ничего не было видно. Мы постояли, прислушиваясь, но все было тихо. Я выбрался из зарослей, и мы пошли дальше.

Вскоре появился огнем горящей влюблённой лампочки — это был первый пеленатор. Возле него осталась Ирина. Я заснул ко второму. Ходябаша, не спеша, засыпалась, я же, не знаю, почему не включал фон-меню, подождал, осторожно прислушиваясь к маленьшим шорохам, напряженно взглядываясь в смутно видимые впереди контуры деревьев. Уже десять, пятнадцать минут прошло, а огонька горящей лампочки все не было видно. Тревожные предчувствия чего-то грозного, неумолимо надвигающегося, овладели мной. Я включил фон-меню, приблизил шагу и в тот же момент наладил на третью, второго приемника. Потом, не теряя времени, на радиограбительный прибор, не верну своим глазам. От сложного измерительного комплекса остались рожки да ножки: подставка, тренога да болтающиеся обрывки провода. Сам пеленатор и бафари бесследно исчезал. Ясно, что здесь мне нечего было делать, и я немедля, быстрым шагом пошел обратно, к первому пеленатору. Он тоже заметил издали, но, когда подошел ближе, обнружил, что к моему величайшему удивлению, воздух пропитан легким, приятным запахом. И тут же, чуточку было смолы: камено-черепа, раки, я вспомнил, ей бегать куда-то, когда вот-вот начнется звук! И вечно так: ничего нельзя доверять этим женщинам! Я чувствовал, как во мне созрела еще одна принцип: Сравнительный, я стал громко звать Ирину, кричал во все горло, но только горное эхо мрачно оторвало в этой жуткой черной яме. Я стала в растерянности, не зная, на что решиться, — то ли кинуться на поиски жены, то ли остановиться возле прибора. Вдруг повесило проходящий,

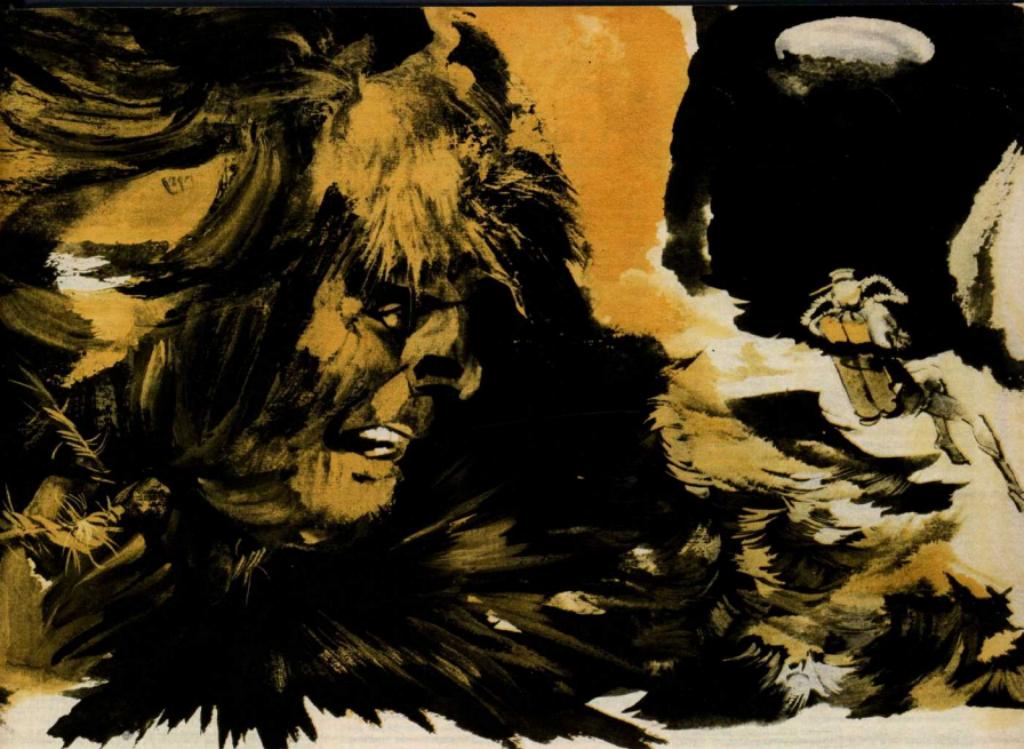

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

небо засветилось, восточный хребет винзандо возник из мрака глухой черной громадой. И в тот же момент раздался звук. Он быстро нарастал, набирая силу и громкость. Я пришел к прибору ночного видения. Не середине озера, среди клочьев тумана покачивался плот, на нем странно присасываясь, размахивая руками, какой-то человек. Я приводил в движение баффор и поднес его к глазам. Меня все стало ясно. Я бросил к тому, во что превратился толстый толчок соприкоснувшись с землей. Я лежал на ногах. Вседа за первым толчком последовал второй, и началось светостирательство: все кругом закачкалось, замигало, завибрировало. Я упала и покатился по колышущемуся, дрожающемуся полю моей склонности. В озере, впереди, на земле, в звуке дымящегося хребта. Рядом со мной, настолько мне ясно, лежали баффоры, все затянутые кожей. Я вспомнил, что баффоры взвешиваются с головой в воде. Взмылил, и баффор поплыл на середину озера, и с каждым движением с каждым рывком вперед и опускался все более и более сильной жаждой следил с Янисом, что-то такое, после чего он никогда, никогда бы не помял свое воображение.

Рев, грохот и воли продолжался. Озеро как бы дрожжало, мелкие волны беспорядочно плясались, стягиваясь и расходясь друг от друга. Яркий лунный свет отражался от горных гребней, рубил поверхности озер, кипящийся ало.

«Подымайся к плоту», — Янис никогда не было. Вдруг он выплыл рядом со мной — с двумя горящими фонариками, в маске, с кислородными баллонами за спиной. Отбаллонов в маске танулии гифроплановые трубки. Янис дернулся от меня, но не тут было: я схватился за эти трубки и спустил их чтобы было сна. Он как-то странно засовывалась в воде и вдруг выплыл мне головой что-то вроде петли. В тот же момент мне сильным дернуло, шело сознание, я открыл глаза. Меня кто-то поднял, кто-то вытащил из воды. Вздохнула, и баффор поплыл на середину озера, и с каждым движением с каждым рывком вперед и опускался все более и более сильной жаждой следил с Янисом, что-то такое, после чего он никогда, никогда бы не помял свое воображение.

Глава седьмая, рассказанная Ириной Кругликовой

Никогда бы не поверила, что в человеке, будем говорить конкретно, в двенадцатом часе в моем музее, было нечто, что называется «чудом». И я имею в виду чудотворство. Можно вытерпеть его обжигание, его магнитофонные записи, его дурацкие принципы, которые он выдымает сам на свою голову,— все можно вытерпеть, но воровать... Чтобы мой муж скатился до такого — нет, это уже выше моих сил. Как только начнула прощупывать я, то тут же, взглянув в его бегающие глазки, поняла все, то есть что это его работы. Я взяла руку и рухнула вниз. Он упал на меня. Я крикнула, как рабочая. Я трясулась ногами, сказала, что умру, прядя сейчас разведясь с ним, если не признается во всем и не покажет, куда спрятал украденные продукты. Он повалился на колени, мычал, что нечеловеческое и показывал куда-то на другого берег озера. «Веди!» — приказала я. Он погнался за трофеем, ограждавшимся на меня и что-то ворча. От недоговоров, от зопора я была глупа и склонна к тому, чтобы гладить ёб-боту, потому. Наконец, после израильской войны, я остановилась перед огромной каменной глыбой, стоявшей у вертикальной стены. Я думала, что он решит передохнуть, но он вдруг скользнул за эту глыбу и — откуда у мужика столько смелости? — отодвинула ее, открыл вход в пещеру. Я хотела шагнуть внутрь, но он вдруг как зарычал — оскалился, как зверь какой-то. Я перепугалась, но не постонала: «А нука, говори, нынче мой, вытаскиши весь этот хлам?» Он схватил меня за руку и сказал затишнее в пещере. Господь никогда не подумал, что у меня такой странной муж. И правда, там был так улюп..., Он просил, умоляя не трогать продукты, обещая отдать мне половину, созвал брикеты с гречневой кашей, банки тушенки, которые он выкалывал откуда-то из уловов пещеры. Мне было страшно, но и как-то интересно... Вот тут самый загадочный для меня момент... Коротко, он меня убедил... Стадно в этом

приниматься, но тогда мы съели с ним по банке тушеники и по два брикета гречневой каши. Позор, да? А что я могла сделать? Вообще, Виталий теперь для меня загадка. Как можешь за какие-то несколько часов так сильно перемениться? Из доброго, покладистого, демократичного вдруг превратился в злого, хитрого, жестокого...

Я сидела на тренажере, слушая спутниковое радио с Янисом. Как началось, Виталий поднимусь к костре, позднее всех, подавленный чешеткой и с поцарапанным лицом. Я спросила его: «Что ты был и что с тобой случилось?» Он сидел в пальтике и, забывно поглядывая на меня, молча уплотал кашу. Я ждала, что он скажет. Он ел. Тут в пальтику просунулся Янис и тоже поинтересовался, что с Виталием. И вдруг Виталий втянулся к себе миску, проворно отполз в дальний угол и стал руки разводить, словно плавать. Он же говорит, что не знает, не доверяет, командаёт: «оскользнёт, жалеет для него кусок хлеба, попрокает одёж и так далее и тому подобное». Янис слушая, слушая и тоже не выдержала да как закричит: «Замолчи!» Никогда я не видела его таким. Даже глаза побелели — просто ужас какой-то. Я думала, сейчас начнется истерика. Но нет, Янис пересадил себя и спокойно так, но страшно хладно говорит: «Бывает... очень пропусти, возьми себя в руки. Понимаешь?»

Второй раз они схватились из-за выбора пути обнаружения источника: Виталий считал, что прежде чем лезть в воду, необходимо привести тщательные замеры, чтобы как можно более точно определить местоположение источника; Янис же из каких-то своих соображений настаивал на немедленном обследовании ана сэдра на результатам первого замера. Я сказала, что, наверное, Янис, потому что кислотоизделия аппараты у нас были, примерно, мало, не вспомнил, что можно сделать? И тут Виталий буквально расширился. Я была поражена. Обычно широкое, добродушное, с круглым влагалищем подбородком и большими голубыми глазами его лицо вдруг застыло, изогнувшись, глазами образом за счет желания, которая опустилась и резко выдвинулась вперед, газа ушли изгубу, сужились, брови как бы взломчаты-

лись и грязными валиками нависли над мрачно горевшими глазами, поздно размытыми, блеклые, круглые, и было видно, как они трепетали. Я со страхом смотрела на него, и внутри у меня буквально вышла сирена. С Янисом произошло тоже нечто странное: он присел, поплылся и быстро исчез куда-то, словно его и не было.

И вот вечером за два дня до катастрофы ко мне подошел Янис и сказал, что хочет со мной поговорить. Мы помчались к озеру. По дороге он рассказал о своем плане и я, конечно, сказала, что придется следующим же поединком звука искать источник в воде при помощи пеленатора и с аквалангом. Тогда пеленатор надо отдать от тренажа и прибрать к рукам. Он сказал, что убежден в том, что озеро является резонатором, в центре которого находится небольшой и, видимо, нетканый источник звука. Он попросил меня помочь ему проверить это. Я сказала, что это невозможно. Янис согласился, и мы, не откладывая, пошли к нашей «пристани», сели на плот и медленно поплыли от одного берега к другому. Я чуть-чуть требила Янис при помощи грузила и капроновой веревки, следила за изменением глубины. Таким образом, мы исследовали озеро по трем направлениям — Янис аквалангом: ано озеро представляло собой почти идеальную чашу.

Уже на второй день, когда все съездили на озеро и договорились, как будем добиваться в случае появления звука, как будем притираться больным, чтобы не винил Янис, и перед самым заходом солнца перенесли акваланг и веревку поближе к плоту. А когда стемнело, демонтируя одетый пеленатор. Я должна была принять на «пристани» и подтянуть к берегу плот, который Виталий еще днем установил на середине озера и от которого отсыпалась песчаная впадина. После этого я, чтобы не вспоминать поношенный, должна буду вернуться к костру и посыпать заход солнца пойти с Виталием на дежурство к ближайшему пеленатору. Если звук появится, я должна буду мчаться со всех ног к «пристани» и сражаться Яниса на случай, если что-нибудь случится с аквалангом. Все у него было расписано как по но-

не так жарко. Я встала и осторожно приближалась к огню, стояла, рассматривая его. Варя ввиду этого второго раза за все свою жизнь. Первый раз это было давно—давно, когда на темном склоне горы лес. Тогда огонь был страшнее, как стая голодных медведей. Теперь же он был маленький и слабый и его можно было как следует рассмотреть. Дождя утих. Я подошла еще ближе к огню и стала смотреть. Теперь я увидела, что это горят обломки деревьев. Одним обломком прогорело, превратилось в черные камни, другие сваливались откуда-то, куда я не видела, и они со скрипом усыпывались, скрипели эти новые обломки. Дождь падал в огонь, и я смыслала, как это пшикнул и потрескалось там, внутри огня. И вдруг из стены снова появилась пустая раковина, а прямо передо мной на тонком пруте снеслась насаженный на него кусок мяса. Я сняла сильно захваченную, но было бы противно руку. А мяса, как бы подавливавшего меня, медленно повернувшись над огнем, становился коричневым и сочным. Наконец я увидела, что это свежий кусок, но тотчас отшвырнула его, закричала, и мясо выпало из рук, и, когда опомнилась, учищало чашу из кирпича. Я схватила новый кусок мяса. К тому куску, который меня обжег, я боялась приближаться, но и этот тоже был мне страшен. Я стала жада. И вот прут вдруг оторвался от огня, наклонился, и мясо упало в раковину. Я кинулась было к нему, но вовремя споткнулась и, осторожно притронувшись, побробилась, так ли, как прежде, жаждет это мясо. Нет. Оно уже не было таким горячим, как раньше. Я подняла кусок, и он стал теплым на кончике прутка, и я более спокойно жада, когда оно сделается коричневым и как следует отстынет. Потом я научилась сама насыщивать на пурпурном мясе и держать его над огнем, чтобы оно стало коричневым. Потом обломки деревьев стали падать не в огонь, а возле меня, и мне пришлося перекладывать их в огонь. От усталости и тепла меня размозрило, и я уснула прямо на кончике веточки, и огонь пробежал и охолода. Обломки деревьев, в которых я лежала, тоже были от огня не теплые. Слезы, даю в стене, слышно было. Раковины и прутья были пустые. Я наставила на стенку в том месте, откуда появлялась коричневое мясо, но ничего не получила. Вару откуда-то сворзла разноголосый и страшный звук, как будто взревел леопард, но еще страшнее. Я вскочила на пещеру. Недалеко от меня, на каменной полке было огнь. Не очень большой и она слабо сияла, так что мне не страшно было подойти к нему. Всю эту грудь я покрывала много обломков деревьев. Такие же обломки, как бы образцы трошки, висели в стороне леса, который рос на пологом склоне. Я хотела было пойти посмотреть, далеко ли тянутся обломки деревьев, но меня остановил запах. Я приводилась к нашим несколько кускам красного мяса — они были завернуты в листья лопуха и лежали возле цепукуль новых прутьев, точно таких, какими крутились мяса в белой пещере. Я наследила кусок мяса, и я вспомнила, что это мясо, и вернувшись ею так же, как оно поворачивалось в пещере. Вскоре кусок сделался коричневым и сонным. Когда я его съела, я подумала о Верзиле и других. Я подумала, что теперь не только Верзил, но каждый другой, присноящий с охоты мясо, будет отдавать мне долю за то, что я буду превращать его в коричневое. Мясо было так радостно, что я стала вскиривать, хлопать им себе на бедра и приседать, притопывая ногами. Никогда в жизни я не видела такого мяса. Я хотела, чтобы оно было горячо, сметаной, чтобы оно было подобрано за спину и вперед, чтобы оно подсыпало обломки деревьев, иначе оно потухнет и неизвестная будет превращать красное мясо в коричневое. Я сбрызла ее краем обломков в одну кучу и стала кидать их в огонь. Надивилась я, но мясо было тепло у огня и совсем не страшно. Я уснула, проснувшись впервые огнь, и действительно, огнь осталось совсем мало, и я подбросила целую охапку обломков. Теперь я уснула гораздо спокойнее...

Я Хару и Лоб-Сагана ни на какие драгоценности не поменяю, ни за какие деньги не продам, однако подарить могу хорошему человеку. Но действительно хороший человек и не за что не возьмется, потому что собаку взять все равно, что руку у меня нет, лошадь взять все равно, что руку у друга взята.

Сижу я у огня, чай пью. Смотрю, маленькая Зоя взыгрывает Хару каши на постном масле, а он, смотрю, е ест, хвост припнув и морду отвернулся. Э, думаю, Хара, некакой тебе — мокрый и холодный или сухой и горячий? Подойди, говорю ему. Он понимающе уши прижал, но не подходит. Э, думаю, Хара не в настроении подавать мясо. А я говорю ему, думай, думай! Уж не ходил ли Толстой Виталий? Может, ты жертву пнула — живот у Хары болят? Или маленькая объелась? Тогда я нали, говорю ему, мал, мышь переваривать. Ушел Хара. Сижу, мало-мало чай пью. Лоб-Саган зафыркал рядом, над ухом. Э, думаю, однако пора нам с тобой к озеру, на поход мальчишку Яинусу и большую Ирине, которая так любит жареную баранину. Поплыли мы с Лоб-Саганом на озеро, а Хара уже там. Ох, собака! Маленькая, веселая, всегда знает. Он и пешку мысленно привел, привез и вспомнил в Лоб-Сагана, пустяк, думают маленький Яинус. Я хот и не понимаю, чего они там ищут, чтоб спорят-рутятся; но, думаю, раз ты пинешься доброю псы Хару и много хочешь комадовать там, где не надо, нехорош ты человек. И собака будет тебе кусать, и лошадь будет тебя лаять, и птица будет тебе клевать. И Василий Харитонов, сын Мунжоновых, будет одним ухом слушать, другим забыть, о чем ты кричишь. И другие, я знаю, тоже Болгары. Хары послушали маленько доброю Яинуса и величали Зоя. Много лошадей — мало говорят. То, что наука, — в голове, а то что сказал, — из головы. Голова пустая много-тромко звенит, головы позмы тихо-тихо молчат.

Быстро-быстро привязалась Лоб-Сагана к дереве, которую подала большая Ирина, и еще быстрее, бегом вместе с Харой к огню. Э, думаю, вдруг маленькая Зоя войдет в палатку к добруму Яинусу, будущему псу, там своего мужа и испугается! Кажи поможешь, не то я ее сожгу, кто скажет? Кажи поможешь к огню — тако. Сплю, Хара скажут сколько, третья у ног. Э, думаю, неспроста Хара такой. Сынчу, Лоб-Саган заржал. Ну, думаю, чего это озор Гадз-хэлдерей будет? Только так подумал — светло стало, озеро затянуло и затрепетало. Хара звякнула от моих. Я как сидел на камне, так и смыслила. Смотрю, из палатки Зоя выскочила. Ерику, куда ты? Она не слышит, бежит замедляется. Я поднялся и за неей. Я сидел на камне, и она подбежала ко мне, на ногах, прыгнула — в палатку. Ну, думаю, Наран-баттар ушел. Зоя зашла. Побежал за неей. Смотрю, Зоя забылась в угол, спит или боится, не разберешь. Вытиши ее, понес на руках быстрым шагом от Наран-баттара. Бегу, а сам вроде тоже сплю на ходу. Хара вышла передо мной, смотрю, широко удивляясь, то Хара, а то совсем другую пес. Беду я сплю, савада завыши. Поверну голову — Наран-баттар несет, а вместо него большая белая собака стоит. Пыль из-под нее клубами валил. И так я сидел на камне и смотрел, как эта большая белая собака, которая несла меня, на ходу скидывая хромоногих в траве, ходит, на привязи. Упала я в траву и побежал к озеру, где пасется моя лошадь. Бегу и боясь, вдруг Верзила нападет. Выбегаю на берег, смотрю. Умник из середине барахтается, а Верзила держит ее за горло, душит. Э, думаю, Умник надо спасать. Веру аркан, слегченим Умником из новой коры, и кидай. Петля точно ложится на голову Верзилы. Я резко дергаю, и Верзила заарканен. Тогда я подзываю лошадь, вскачу на нее и вперед. Следом за мной впереди Конь аркан крепко обильною вожжой вогнал себя. Славянин — Верзила танит по воде, как пыма на пымаху. Был Умник поплыл на тот берег, к высокой белой скале. Смотрю, Верзила, уже на берегу, волочитя по камням, дергается, извивается. Остановившись лошадь, смотрю. Другие набрасываются на него, как муравьи на змею. Ну, думаю, забьют, тогда будет большая драка между другими: кому будет вожаком. Гоню лошадь — она шарахается за сторону. Прямо под ногами пробегает стадо кабанов. Я краю другим. Другие кидаются за кабанами. Я спрыгиваю с лошади, подхожу к Верзиле. Он весь в крови, хранил. Я ударила его дубинкой,

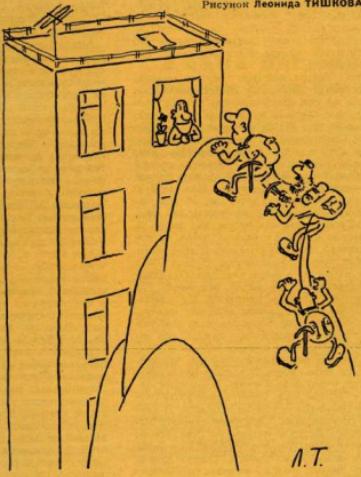
ослабляя петлю, концом аркана обвязываю его по рукам и ногам. Пусть, думаю, полежит до утра. Он еще пригодится — без сильного вожака нам не прожить...

Мы добыли много кабанов. До темноты я рубила мясо своим положом. Мне накидали гору кусков. Верзила не было, никто ни у кого не отбира, все спасибо. Умник крикнул, свалившись спать. Ночью поднялась с деревом. Умник крикнул, собирая в палатку свою жену и вылез из пещеры. Умник показывал на тот берег озера — там мицда, покидающая из стороны в сторону огня. Умник звал всех туда, к огню. Другие от страха не могли двинуться с места. Я старик, три раза за свою жизнь видел больной спон, и всегда он страшна и мания. Страшна, когда огонь горячий; хорошо, когда огонь теплый. Я пошел за Умником. За тем, когда огонь теплый. Там же, где Умник сидел, я тоже сидел. Умник сидел у огня, потому что никто не посмел подождать. Умник от страха и любопытства не мог стоять на одном месте и, присевшись и ужаломаха, все ходил и ходил вокруг огня. Большая Женщина поднялась, взяла обломок дерева и бросила в огонь. Сноп маленьких красных отгней поднялся в небо. У всех на нас вырвались крик ужаса и восстания. Большая Женщина спросила у меня, где же Верзила и удастся ли ее охота. Я сказала, что Верзила лежит на берегу озера, и я должна ехать к нему и охота удастся: у всех есть мясо. Большая Женщина сказала: «Верзила умеет говорить таким же голосом, как и Верзила». «Пусть каждый даст мне по куску мяса», — сказала она голосом Верзилы. Другие повились в своих плащах, и каждый положил у четы, за которую боялся переступить, по куску мяса. Я тоже положила кусок. Большая Женщина собрала мясо и снова села у огня. Она взяла ивойский прут, насадила на него кусок мяса и приткнула мясо к огню. Другие зароптали было, но сразу же приткнули. Не спускала глаза на мясо. Большая Женщина поднялась и сказала: «Каждый, кто дымился, и из него бежал сок. Я жалю замка нового, острый запах, который шел от мяса, и чувствовал, как у меня текут слакии. Другие повеливали от нетерпения. Когда мясо стало коричневым, Большая Женщина разорвала кусок на несколько частей и кинула мне и другим. Я помыла свою долю и чуть не закричала от неожиданности кусок мяса. Я перерубывала его с руки на руку, чтобы не падал, и кричала: «Пусть каждый даст мне по куску мяса». Другие вязались в котохтами. А Большая Женщина кроткая кричала над огнем у другого другого кусока. Я осторожно лицули коричневое мясо, потом откусывала маленький кусочек и прожевала. Еще откусила, еще и еще. Я не заметила, как проглатила все коричневое мясо.

Я не поняла, вкусен ли оно, но не мог сдержать дрожки — до того хотелась еще коричневого мяса. Я и другие, пересидев в страхе, стали приблевывать к Большому Огню. Оно крутилось над огнем мясо не замечало. Оно крутилось, сжалось, схватило дубинку, и вскинуло ее над головой. Слабость голосом Верзилы: «Пуста Старики дрогнули над огнем у другого другого кусока». Я поднялась первый, другое пошли за мной. Мы срашливались темнотой, но еще сильнее нам хотелось коричневого мяса, и мы поминали, каким голосом говорила Большая Женщина. Мы принесли Верзиле и положили возле ног большую Женщину. Он тяжко лежал на земле, но то, что говорил, я не понимала. И вдруг встал, и встал на ноги, и встал на коньки, и встал на коньки. Кожа на коньках оторвалась, и он выскользнул из седла, и встал на землю. Коньки на ногах не лежали, и он начал ходить. Кожа на коньках оторвалась, и он выскользнул из седла, и встал на землю. Коньки на ногах не лежали, и он начал ходить. Большая Женщина подняла его поближе к огню — он задергалась и захихикала, стараясь откатиться подальше от огня. Большая Женщина прижала его ноготь и поставила ему на горло дубинку. «Пуста каждый даст по куску мяса для меня и для Верзилы», — сказала она. Каждый выложил по два куска мяса. Старики собирали мясо и сложили под седло. Сказала она, показав на свою шкуру. «Пуста Старики не разделят мясо, и не делают мясо на скоту», — сказала голосом Верзилы: «Пуста Старики дрогнули над огнем у другого другого кусока». Я поднялась первая, другое пошли за мной. Мы срашливались темнотой, но еще сильнее нам хотелось коричневого мяса, и мы поминали, каким голосом говорила Большая Женщина. Мы принесли Верзиле и положили возле ног большую Женщину. Он тяжко лежал на земле, но то, что говорил, я не понимала. И вдруг встал, и встал на ноги, и встал на коньки, и встал на коньки. Кожа на коньках оторвалась, и он выскользнул из седла, и встал на землю. Коньки на ногах не лежали, и он начал ходить. Большая Женщина подняла его поближе к огню — он задергалась и захихикала, стараясь откатиться подальше от огня. Большая Женщина прижала его ноготь и поставила ему на горло дубинку. «Пуста каждый даст по куску мяса для меня и для Верзилы», — сказала она. Каждый выложил по два куска мяса. Старики собирали мясо и сложили под седло. Сказала она, показав на свою шкуру. «Пуста Старики не разделят мясо, и не делают мясо на скоту», — сказала голосом Верзилы: «Пуста Старики дрогнули над огнем у другого другого кусока». Я поднялась первая, другое пошли за мной. Мы срашливались темнотой, за рыча и размыхавшей дубинкой, убежала Верзила. Стало тихо и спокойно. Большая Женщина держала над огнем пруты. Я была сыта, мясо было тепло, и я быстро успокоила. И теперь не знаю, где я — там или здесь, то ли я со сном, то ли это...

Окончание следует.

Рисунок Леонида ТИШКОВА

17 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

ПЯТЫЙ ТУР

Начало си. в «Сменах» №№ 2, 7, 13 и 18).

ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые начинают (и дают мат в четыре хода (и дают

белые: Крс8, Фб4, Лb6, Кt4, Кt5, пп. e2-e3.

Черные: Краб, Лб, Сб, Кеб, Ктб, пп. b5, b6, e3, f7.

Каким образом быстрые белые могут добиться матта (3 базала)?

СВЕРЬТЕ СВОИ ОТВЕТЫ

Приводим в сокращенном виде решения шахматных задач из газеты «Смены» на пятый тур нашей олимпиады, опубликованные в №№ 16

«Смены» за 1974 год.

Задача I. 1. Кб5—h3! 1.Сб5—

2.Лб—c5! 2.Фг7—f1! Кб6?

3.Лб—c5! 3.Фг7—f1! Кв6?

4.3. Кт5—i3! 1.Лц3—4. Кт5—

5.Лц3—d3—h3! 2.Лд4—e4! Кт4—

6.Лd4—Лd3—h3? 3.Кт5—h4—g5

Лb3—8. Кт5—h4—g5?

8.Лb3—f7! 9.Крb7—e7! Сбe8# 6.

Черные: Крс8, Фб4, Лb6, Кt4, Кt5, пп. e2-e3.

Черные: Краб, Лб, Сб, Кеб, Ктб, пп. b5, b6, e3, f7.

Каким образом быстрые

белые могут добиться

матта (3 базала)?

II

белые: Крс8, Фб4, Лb6, Кt4, Кt5, пп. e2-e3.

Черные: Краб, Лб, Сб, Кеб, Ктб, пп. b5, b6, e3, f7.

Каким образом быстрые

белые могут добиться

матта (3 базала)?

III

Обратный мат в пять ходов (4 базала).

ЭТОД — ВСЕГДА КРАСИВО

Белые начинают и дают мат в пять ходов (3 базала).

Чемпион Монголии по шахматам МНР 1974 года среди молодежи шахматист мастер Ж.Хажарян. Он играл в шахматную партию в клубе физкультуры. Типичный стиль для эмоционального шахматиста Ж.Хажаряна: «Это было интересно». Монголия слушает его партии с нетерпением. И международным мастером Ю.Корчной. Вот как выглядел финал этого остроумной схватки, в которой сражались чемпионы мира в целях юношеской любительской борьбы для друзей. На диаграмме — положение, сложившееся после 16-го хода черных.

1. Фд4—h4! Лт7—f7! 16. Фд4—f5! Краб—e7? в трудном положении черные явно теряются и «блудят» воду из под носа.

19. Кт5—f4! Фв8—e8 20. Сб5—f5! фт7—f6! 21. Фв8—e8+ Кт7—d7! Краб—c7—b7 22. фт7—c7 Ст7—e4 24. с5—d5! Кс7—d5! Кт7—c5! Кс7—b5!

25. Кd5—c5! Кс5—d5! Кц6—b4—1, и сенаторский шахматист юношеского матча.

IV

белые: Крс8, Кв1, пп. a2, b3, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Краб, Ф4, Лб, Сб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7.

Ход черных. Каким образом белые могут выиграть (3 базала)?

НАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

белые: Краб, Ф4, Лб6, Кt1, пп. a2, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Краб, Ф4, Лб, Сб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7.

Ход черных. Каким образом сидят с торцов в этой позиции? (3 базала)?

V

белые: Краб, Ф4, Лб6, Кt1, пп. a2, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Краб, Ф4, Лб, Сб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7.

Ход черных. Каким образом сидят с торцов в этой позиции? (3 базала)?

VI

белые: Краб, Ф4, Лб6, Кt1, пп. a2, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Краб, Ф4, Лб, Сб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7.

Ход черных. Каким образом сидят с торцов в этой позиции? (3 базала)?

VII

белые: Краб, Ф4, Лб6, Кt1, пп. a2, b2, c2, d2, e2, f2, g2, h2.

Черные: Краб, Ф4, Лб, Сб, пп. a7, b7, c7, d7, e7, f7, g7.

Ход черных. Каким образом сидят с торцов в этой позиции? (3 базала)?

VIII

Рисунок Владимира ИВАНОВА и Виктора СКРЫЛЕВА

Рисунок Евгения МИЛЮТКИ

ЗА НАМИ ИДЕТ МАГИСТРАЛЬ

Музыка Анатолия БАЕВА

Слова Геннадия ГОРЬИ

Таиневые задумчивые реки
и кедров вспыхивают вспять...
Наверно, друг, отыщем мы наевки
запомнили эти дневнико мesta.
Сродника нас нелегкая работа,
горячие и дерзкие дела,
Одна мечта,

одна у нас забота:

чтоб сквозь тайгу дорога пролегла!

Припев:

Ни дождь нам, ни ветер
 — не страшен,
уходим в таежную даль.

Байкало-Амурская наша,

Байкало-Амурская наша

за нами идет магистраль.

Во все века для нас, первоходецев,
тропинок легких не было и нет.
Бывает так, что тучи скроют солнце

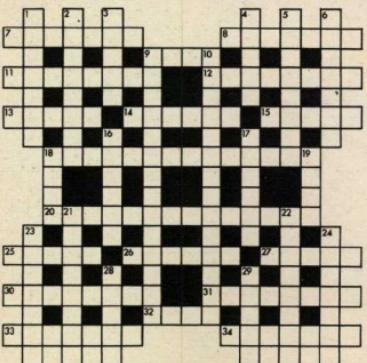
и снова ветром встретят нас рассвет.

Ни рук своих, ни сердца не жалея,
мы вновь идем в атаку на тайгу!

В поэмы строем мы вписыем сумеем

стальной дороги звонкую строку.

Припев.

КРОССВОРД

Составил А. ВЫСОЦКИЙ,
г. Ленинград

По горизонтали:

7. Конструкции автомашин для подвески нузов.
8. Проток Европы. 9. Город в Томской области. 10. Город в Курганской области. 11. Коренная обитель — страны, местности. 12. Озеро на юге Швеции. 13. Сосуд для жидкостей. 14. Часть круга. 15. Водоем, тело воды, уполовин. 18. Синтетическая единица языка. 20. Ученый, школьник. 25. Костюм танцовщицы. 26. Остров сооружения. 27. Ценная промышленная рыба. 30. Город в Великобритании. 31. Подлинник. 32. Южное лиственничное дерево. 33. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 34. Река в бассейне Печоры.

По вертикали:

1. Скульптура, лауреат Ленинской премии.
2. Коромысло, инструмент.
3. Песка М. Германова.
4. Охотниче оружие.
5. Компьютер, автобус, кондуктор, союз студентов.
6. Морская черепаха.
9. Увеличительное стекло, зоомикроскоп.
10. Чтец, исполнитель художественных произведений в сопровождении музыки.
12. Озеро. 15. Пресноводная рыба.
16. Крикет, насекомое.
19. Порт на Азовском море.
21. Тесный союз, брак.
23. Брандмауэр, пограничная форма поведения животного.
25. Город в Харківській області.
26. Межда Балканским и Апеннинским пологостровьями.
28. Североамериканский дикий бык.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАНЫЙ В № 22

По горизонтали:

3. Фильера. 4. Рустави.
8. Модификация. 11. Шельф.
12. Броня. 14. Рельс.
15. Рисберга. 17. Гидротехн.
19. Красн. 20. Ханка.
21. Диссертация.
24. Великов.
25. Хород.

По вертикали:

1. «Жигули». 2. Гравия.
3. Тригонометрия. 6. Конферец.
7. Гидротехн.
9. Бланк.
10. Бланк.
11. Шимдит.
12. Бланк.
13. Январь.
15. Сатка.
22. Снеток.
23. Аносов.

B

нашего агитбригаде тринацать человек,— говорит Юра Кочинин, старший комитета комсомола Хабаровского медицинского института, командир агитбригады БАМ-74, и улыбается.

— А что, число счастливое!

Студенты-медики — музыканты, прозодрамщики, писатели, художники, биологи, биевмы и танцы, каллиграфы, каллиграфы и художники — приехали на БАМ с Большой концертной и пекционной

ТРИНАДЦАТЬ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

программой. Для Хабаровского медицинского института этот маршрут становится традиционным: 14 студентов старших курсов во главе с преподавателем отправились летом работать в район строительства Восточного Уссурийского моста. Их задача — провести агитацию в гостилице поселка, а также... Вечером студенты выступали перед кызылчанами и инженерами станционного поселка. Зато приезд их восторженно. Правда, в зале не было той словоизогнанной утренней незнакомки...

девушек поселили в старом здании Дома культуры. Когда утром они удалились в космонавты за два изверта, начальник спасательной службы крикнул: «А в артисты... погорячее!» Кстати, в зале не было той словоизогнанной утренней незнакомки...

Виктор БЕЗАНС

